

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

КРИСТИНА ЮРАШ

ПРИНЦ ПО ГОСТУ
Академия Прекрасных Принцев

Кристина Юрьевна Юраш

Принц по ГОСТу

Серия «Волшебная академия (АСТ)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40650983
Принц по ГОСТу. Роман: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-116444-7*

Аннотация

Влюбиться до смерти? Это про меня – ректора Академии Прекрасных Принцев, которые даже шнурки завязать не могут! Какое королевство? О чем вы? Они меч в руках не удержат! Добрые родители принцев почему-то уверены, что я клеюсь к каждому ученику, дабы повторить сказку про Золушку, поэтому торжественно прокляли, сделав мою любовь смертельной для меня. У меня и так проблем выше прохудившейся крыши! Красавцы-преподаватели поспорили, кто первый затащит меня в постель, единственная преподавательница, дряхлая куртизанка, требует, чтобы я устроила ее личную жизнь, а жестокий и коварный призрак развлекается в Академии на полную катушку моих нервов. Я выживу, причем всех! Я сделаю из них настоящих мужиков, если доживу. Потому что я влюбилась...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	43
Глава четвертая	60
Глава пятая	79
Глава шестая	96
Глава седьмая	118
Глава восьмая	139
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Кристина Юраш

Принц по ГОСТу

Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© К. Юраш, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава первая

Княжна Тараканова

*Не снились такие интриги короне,
И битва престолов, по ходу, – фигня!
Делила наследство в хорошем районе
До этого дружная наша семья.*

– Ее величество Анастасия... эм... – Я гордо вскинула голову, обвела царственным взглядом новые владения, а потом тщательно вытерла ноги об маленький драный половичок, прибитый пылью к подъездному полу. – Анастасия не первая...

Я приняухалась и поняла, что распустились почки. Чьи-то бессовестные почки решили распуститься прямо в моем новом подъезде. Где-то с верхних этажей пахло полноценными цветочками. Судя по объявлениям, спальный микрорайон спал на все, исправно скидываясь на очередной ремонт домофона и гостеприимно оставляя распахнутую настежь дверь.

– Может, и не первая, но, надеюсь, последняя. – Я нервно усмехнулась, доставая одинокий старенький ключ на обувном шнурке.

Мой взгляд упал на древнюю, обитую коричневым дер-

матином деревянную дверь с потертостями и обломанным крючком для сумки. За дверной косяк были засунуты окурки, а на двери красовались криптопослания юного художника, срочно требующего к себе повышенного внимания родителей и участкового.

Эта маленькая квартирка полгода назад превратилась в роскошный дворец, за который сражались так, как не сражаются за престол ушлые наследники плодовитых монархов. Мне еще долго предстоит сматывать в клубочек свои нервы, свыкаться с той мыслью, что мое генеалогическое древо отныне больше смахивает на обкорнанный и плесневелый по весне персик, успокаивать дергающийся глазик, многое повидавший в этой жизни.

Ключ повернулся в замке, а мое величество, которому стоя аплодировали Медичи, Борджиа и даже сицилийская мафия с криками: «Белиссимо!», вступило в права законного наследования. Я торжественно переступила через родственный порог и порок, крокодилы слезы, розовые сопли и прочие выделения родственной саранчи, однажды встретившейся, как суслики на объедаемом поле, услышав заветное сочетание «квартира», «наследство» и «завещание». Вместе с ними по боевой тревоге были подняты знакомые юристы, способные заглянуть в юридическую даль, разобраться во всех коллизиях, найти лазейку и выцарапать из лап правосудия лакомый кусочек внезапно опустевшей недвижимости. Факт того, что в завещании упомянули лишь

меня, не останавливал воинственных сурикатов. С усердием, достойным лучшего применения, они пытались вытрясти душу из всех знакомых, в чьих дипломах значилось пафосное «юрист». Издав воинственный клич, собравшись семейным советом на юридическом поле, они постановили, что судьба была к ним несправедлива.

Родственный консилиум «диетологов», внимательно следящий за моей фигурой, постановил, что «слишком жирно для девушки, у которой на данный момент нет семьи и детей», поэтому ради ее же здоровья, которое в любой момент может пошатнуться при несоблюдении «рекомендаций», ей вполне достаточно картонки, старенького пальтишка и ночлега под открытым небом.

Мой юрист вежливо сообщил, что сон на открытом воздухе очень полезен для всей семьи, вне зависимости от степени родства и морального уродства, поэтому я исправно таскалась по судам и следствиям, периодически отвечая на вопросы о моем здоровье лаконично и адресно.

В Средневековье про такие войны наверняка бы сложили баллады! Интересно, как бы при дворе восприняли такое? Баллада о том, как сэр Михаил вместе со своей первой, но не единственной возлюбленной супругой сэрихой Александрой пытались захватить престол. Я прямо вижу, как менестрель делает глубокий вдох и начинает:

Беды ничто не предвещало,

Но это было лишь начало!
Сэр Михаил вдруг говорит:
«Любовь моя, берем кредит!
Квартиру после продадим!
Кредит с продажи отдадим!»

– Нет! – кричат солидные матроны. – Спойте нам балладу
о принцессе Анне и ее достопочтенном супруге!
Менестрель снова берет аккорд и...

Пойдем в покои, госпожа!
Пора четвертого рожать!
А коль четвертого родим,
В войне за замок победим!

– Ну что вы! Спойте лучше про рыцаря Дмитрия! – кричат
пылкие юнцы.
А менестрель затягивает:

Чтоб одолеть всех супостатов,
Сразил немало бюрократов!
Скакал без малого он год,
Отвоевал немало льгот!
На бумаге – инвалид!
Ему судьба благоволит!

– Ну что же вы такое поете? Спойте про князя Виталия! –
умоляют девицы на выданье.

Менестрель устало смотрит на всех, а потом выдыхает:

Жениться князь решил намеренно
На своей девушке последней!
В надежде, что ему в суде
Дадут процент в чужом жилье!

– А про леди Наталью? – потребовало взыскательное и любопытное общество, уставившись на озверевшего менестреля.

Тот ударил по струнам так, что где-то стали присматриваться исполнители ну очень тяжелого альтернативного рока, а потом хриплым голосом выдал:

Но дальше всех пошла Наташа,
Что в юрконторе долго пашет.
Чтоб суд позолотил ей лапку,
Признать умалишенной бабку!

Никто не сложит балладу о том, как мне удалось отстоять свои права. Только инквизиторы прикинули, что показатели по «великомученицам», которые они исправно выполняют, освещая праведными кострами темные века, можно вполне «подтянуть» за мой счет.

Дверь во дворец со скрипом открылась, мне в лицо ударил запах пыли, сырости и какой-то застарелой кислятины. Древний, дряхлый придворный шифоньер, заваленный хла-

мом, охранял вход и выход всем своим массивным лакированным телом, перегородив мне дорогу. Стоило сделать шаг, скрипнув половицей, как дверь старинного гиганта стала зловеще открываться, обнажая пальтишки с воротниками из плешивого кота Базилио и лысеющей от старости лисы Алисы. Я чувствовала себя богатыньким Буратино, который буквально несколько часов назад развел костер из родственников, дабы согреть свое сердце верой в правосудие.

Отдельный тронный зал? Какая прелесть! У меня действительно отдельный тронный зал! Место для пиров! Пять на три! Сдохший цветок в горшке; паук, украсивший ветхие рамы добротным слоем паутины; трещины на потолке, словно этажом выше регулярно проходит дискотека для слонов; вытертая клеенка, банки с присохшими специями – вот мои новые владения!

В шкафчике стояли тетради с рецептами таких блюд, которыми можно значительно подсократить популяцию родственников до занимательно-развлекательного минимума. Толстые тетради, исполняющие обязанности медицинского справочника и поваренной книги, напоминали о тех далеких временах, когда ипохондрики сверялись по диагнозам с передачей «Будь здоров», игнорировали утреннюю зарядку и смотрели затяжные концерты звезд местной эстрады.

«Пирожки с мозгами!» – прочитала я чужой почерк, опасливо поглядывая на очередной рецепт. Вот где были эти чудесные рецепты в тот момент, когда мои далекие географи-

чески и недалекие юридически родственники подавали на очередные апелляции, пытаясь завести на меня десяток уголовных дел по сфабрикованным статьям?

«Неблагодарная недоросль! Я пас эту квартиру три года! А ты палец о палец не ударила!» – гласило сообщение сэра Дмитрия, который не просто доскакался по инстанциям, а полноценно допрыгался, лишившись трех пальцев на руке ради вожаемой справки.

«Шоб ты сдохла, тварь проклятая! Можешь в гости к нам не приходить!» – пришло мне очередное поздравление с новосельем от сэра Михаила и его дражайшей супруги Александры, присмотревших квартиру для будущего юного «святильника» науки.

«Подавись, гадина!» – поздравили меня ее вдовствующее величество Людмила и ее дочь, почтенная принцесса Анна, чей принц-консорт честно высиживал яйца в родовом двухкомнатном гнезде своей тещи, дабы обеспечить себя наследниками в количестве, которое не в состоянии прокормить мизерная пенсия счастливой бабушки.

«Совести у тебя нет!» – прилетело вместо приглашения на скромную свадьбу сообщение от принца Виталия Решительного, Неразборчивого и Скоропалительного.

«Змея ты подколотная! Воспользовалась несчастной сумасшедшей родственницей, чтобы заграбастать себе квартиру! Иди ты на...» – прочитала я скромную путевку в новую жизнь от двоюродной сестры Натальи, которая пошла даль-

ше всех сначала в юридическом, а потом и в анатомическом направлении.

Итак! Все отписались и отзвонились! Это хорошо! Значит, все добрались в пункт назначения, куда я их послала с «беременностями», «инвалидностью», поддельными документами, скандалами, абитуриентами, свадьбами вполне благополучно! Понимаю, что там, видимо, очень славно и мило, раз меня туда активно звали в гости, но зачем мне «в гости», если я у себя дома?

На экране высветился знакомый номер, который я удалила четыре месяца назад после громкого скандала с хлопаньем глазами и дверьми. А вот, собственно, и принимающая сторона в лице настоящего принца на деревянном коне с воздушными замками и короной, которую в детстве ему соорудила на голове заботливая мама.

– Зайка, – голос в трубке был глух и трагичен, – привет, чем занимаешься? Я тут подумал, почему бы нам не встретиться у тебя, не попить кофе... Мне кажется, что нам стоит начать все сначала. Я погорячился, зайка... Ты простишь меня? Каждый человек заслуживает второй шанс...

Сердце стойчески держалось, чтобы не броситься в омут иллюзий. «Бланки на второй шанс кончились!» – вздохнул здравый смысл, разводя фактами и пожимая аргументами.

– Уже пронюхал? – скупой поинтересовалась я, перебирая на тумбочке старые красочные пыльные брошюры «Жизнь после смерти» и «Обретение вечного рая», которые щедро

раздают одиноким пенсионерам улыбочивые понятия очередного божества. Приятно заботиться о душе, но заботиться о душе, за которой есть жилплощадь, вдвойне приятней!

– Да как ты могла такое подумать! Я люблю тебя! Мне плевать на твою однушку! Ты думаешь что? Я ради твоей квартиры по улице Строителей тебе звоню? Нельзя быть такой меркантильной! – доказывали мне в трубку всю силу великой любви. Да как я могла подумать, что этот внезапный душевный порыв продиктован большой зеленой жабой по кличке Халява, которая душит горячо любящего меня мужчину, недавно указавшего на сайте знакомств, что у соискательницы его «большой и чистой» должна быть «большая и просторная с ремонтом»!

«Закрываем дело!» – постановил Шерлок Холмс, играя на скрипке грустную мелодию прощания. «Согласна! Нет дела – нет доступа к телу!» – кивнула мисс Марпл, подозрительно щурясь, ведь количество комнат и адрес мы в разговоре не упоминали.

Вот теперь я как туроператор могу спать спокойно. Все долетели, доехали и докатились нормально.

Я бросила сумки на пол, глядя на некогда красную ковровую дорожку сомнительной чистоты, алым языком вывалившуюся из коридора в комнату. В комнате затаился ветхий скрипучий диван и куча хлама, бережно засунутого в пакетики, свертки и мотки. В старом серванте за стеклом стояли выцветшие фотографии, статуэтки и набор посуды. Вот

такая королевская опочивальня! Ух ты! На стене есть даже старинный гобелен с волками в лесу! Моль, судя по дыркам, уже наладила экскурсионно-гастрономические туры в неведомые чащи, но на этом не остановилась, занявшись браконьерством и поставив лишайных, по вине непомерного аппетита, волков на грань «вышивания».

Это был самый лучший день в моей жизни! Даже запах старой половой тряпки, витавший в воздухе, создавал атмосферу уюта, не говоря уже о пробегающих тараканах.

Я решила начать с лоджии. Стоило открыть дверь, как на меня завалилась целая груда вещей, бережно собранных в качестве «наследия» для потомков. Дырявый чайник больно ударил по макушке, слетая с самой верхней полки разошедшегося стеллажа. «Вот помру я, – вздыхала бабушка в моем детстве. – Все тебе оставлю! Это будет твоим приданым!»

Посмотрим, что может заинтересовать потенциального соискателя моего безымянного пальца! Кис-кис-кис, любитель консервации! С таким приданым в виде баночек я удивляюсь, как ты еще не здесь! Пятьдесят первая, пятьдесят вторая... Ой! Где-то по мою душу спешит навстречу консервации, стуча деревянным протезом, одноногий одноглазый Капитан Крюк Флинтович вместе с попугаем. Иначе как объяснить одну лыжу, одну палку, очки с одним стеклышком и ржавую клетку для попугая? Мне кажется, или он должен быть лысым? Из кулечка была извлечена дубовая меховая шапка, завернутая в полиэтилен, застрявшая где-то между

«очень лишний кот» и «наш любимый директор». В скором времени она будет неотличима от моей небритой ноги в холодное время года, поэтому моей судьбе стоит поспешить!

Я прислушалась, не бухтит ли уже под моим окном старенький допотопный «Москвич», который вез любовь всей моей жизни на встречу с невестой? В противном случае, для чего мне завернутые в тряпку зеркала дальнего вида для вышеупомянутой модели?

Вот зря мы над ним смеемся! Наш герой, между прочим, пусть и обладатель одной руки, зато из правильного места! Он должен уметь шить на швейной машинке, забивать погнутые гвозди молотком без ручки, пилить ржавой беззубой пилой. Ну, и где ты, мой умелец на всю руку?

Наличие старого холодильника с обрезанным шнуром свидетельствует о том, что мой будущий муж должен быть страстным и горячим мужчиной. Каждое утро он ест овсянку! Прямо из мешка! Есть хорошая новость! Он не брезгливый, и плесень его не пугает! Есть и плохая! Брак продлится, по моим подсчетам, около трех месяцев до момента окончания мешка!

Где же он? Где же мой пират? Пусть бросает свои острова, сходит с корабля, пересаживается на автобус номер семнадцать, едет до остановки Рабочая, потом пешком два квартала! У меня на балконе есть настоящее сокровище! Могу даже карту нарисовать! Путь активирует свой внутренний GPS и спешит сюда, иначе будет поздно и придется ме-

нять маршрут в сторону ближайшей помойки! Я смело могу утверждать, что являюсь наследницей многомиллионного состояния, которое лежит в банке! Миллион стареньких рублей, покрытых плесенью, были бережно сложены в трехлитровую банку, спрятанную в дальний угол. В банке болтался маленький старинный ключик на темной цепочке. Я поставила крестик на карте сокровищ, прикидывая, что где-то лежат старые облигации или билеты банка, чей поезд давным-давно ушел!

Прикинув, что такого женского счастья просто недостойна, я скрепя сердце вытащила грудку хлама в коридор, попутно заглянув в сервант. Может, из серванта что-то захватить? В моей душе поднял голову великий завоеватель, берущий если не целые города, то, по крайней мере, штук восемь досок и один мусорный пакет за один подход.

Среди потрепанных книг стоял полупустой флакон одеколona «Ландыш», рядом с которым лежалдохлый предположительно самец мыши. Я между мышиных лап не заглядывала, поверив на слово производителям парфюма: «Мужчины падают к ногам!» В картонной папке лежали дипломы «Заслуженному педагогу», грамоты «Лучшему учителю» и благодарственные письма за прочие заслуги на педагогическом поприще, датированные такими годами, от которых задумчиво чесались летописцы.

С лоджии в комнату пробежала еще одна мышь, а по полке пополз усатый таракан, прячась за одноименную детскую

книгу. На полке рядом стояли детские сказки, которые читала мне бабушка по вечерам. В этот момент холодным липким потом покрывались именитые режиссеры фильмов ужасов, тряслись под одеялом любители пощекотать себе нервы и вздрагивали впечатлительные и слабонервные зрители, пытаясь подать в суд за авторские трактовки старинных сюжетов.

«Принц бежал за красавицей, обронившей туфельку, упал на лестнице, сломал шею. На похороны принца съехалось все королевство. Золушка тоже была на похоронах и нажаловалась королю на мачеху! Бедной сиротке вернули ее дом и состояние! Все жили долго и счастливо!» – улыбалась бабушка, доставая следующую сказку. «Принц, едва увидев красавицу в башне, тут же бросился ее спасать. Он почти забрался на башню, а потом не удержался, упал и сломал себе шею в трех местах! Смерть наступила мгновенно. Падение Рапунцель смягчили кусты. Она отряхнулась и пошла к своим родителям, королю и королеве...». «Принц не умел плавать, поэтому, зажимая кровавую рану, нанесенную Русалочкой, молча шел ко дну. Русалочка вернулась к своим сестрам, и жили они долго и счастливо!» Вы еще про Белоснежку не слышали! О том, как семь гномов запинали принца ногами и сбросили в шурф! Это, между прочим, была моя любимая сказка!

После того как я с детским восторгом поделилась этими сказками в детском саду, вызывая оглушительный успех у за-

интересовавшихся одноклассников и животный ужас у воспитательницы, начался семейный скандал. Мне запретили общаться с бабушкой, а бабушке сообщили, чтобы она не приближалась ко мне и к моей неокрепшей детской психике. Холодное молчание длилось долгие годы, пока меня накачивали оригинальными сюжетами со слащавыми хеппи-эндами!

– Дорогие тараканы, мыши и прочие обитатели дома! – с усмешкой заметила я, представляя себя героиней мультфильма. – А давайте-ка вместе разгребем весь этот хлам! Все сюда! Я вам даже песенку спою!

Но тараканы бросились врассыпную, мышь шмыгнула за диван, а одинокий воробей, сидящий на подоконнике, резко упорхнул, не дав мне возможности продемонстрировать вокальные способности. А как же «И-о-ло-ле-ли! Быстро мусор вынесли!»? Разбалованные тараканы не планировали переклеивать обои, ленивые мыши не впряглись в гору мусора, а птички не собрались всей стаей и не вынесли старый холодильник на улицу!

За книгами лежали платежки и черная шкатулка, закрытая на замок. Я потрясла ее и услышала, как в ней что-то дребезжит и шуршит. Как интересно! Выломать крышку не удалось, поэтому я перерыла мусорные пакеты в поисках того самого ключика, который чуть не отправился открывать новые горизонты. Странно, но ключ подошел. Замок щелкнул, крышка откинулась, а я плюхнулась на диван, вытряхи-

вая на пыльное покрывало все содержимое. Пока что я разочарованно разворачивала какую-то записку, в которой лежал потускневший от времени медальон – сердце с едва различимым рисунком.

«Все могут короли, все могут короли! И судьбы всей земли вершат они порой...»

Отлично! Жениться по любви не может ни один король! Это мы знаем, так что не удивили! Я подержала в руке медальон, попыталась открыть его ногтем, но он не открывался, поэтому я раздосадованно швырнула его на диван вместе с другой дребеденью.

Десять ходок с мусором превратили меня из веселой и бодрой наследницы в старую каргу с прогрессирующим ревматизмом. За мной уже следили из окон. Пока что крестик на карте сокровищ вел к ближайшей помойке, совпадая с моим маршрутом. Стоило мне отвернуться, как куча таяла на глазах. Где-то хлопали железные двери гаражного кооператива, а при мне какой-то солидный мужик пытался запихнуть мою бывшую тумбочку в свой заваленный хламом гараж, паркуя под моими окнами свою иномарку. Новые соседи даже умудрились подраться за старый телевизор с обрезанным шнуром и разбитым экраном. И пока победитель грузил его в багажник представительного авто, побежденный проклинал его на чем свет стоит. Только сегодня! И только у нас! Новые поступления барахла на лоджии, балконы и в гаражи! Акция «Не пропадать же добру!» делала меня самой доброй и щед-

рой соседкой на свете!

Что-то в лесу сдохло! Мне показалось, что хлама стало немного меньше.

Волки на гобелене смотрели на меня обреченными взглядами. «Ты первый!» – как бы намекал правый волк, поглядывая на своего лишайного по вине моли сородича. «Ща-а-а-с! Пусть этот, плешивый!» – выл средний волк, поднимая морду вверх. «Я что? Самый лысый?» – жалобно смотрел на меня почти съеденный волк. И пока я выбирала, кто из них должен сдохнуть первым, в комнату влетело что-то огромное, черное! Ворона! Огромная ворона или ворон! Птица подлетела к дивану, схватила что-то и хотела было вылететь обратно, но я бросилась за ней, увидев, что в клюве ворон держит медальон. Я ухватила за цепочку, выбежала на лоджию, споткнулась о старую швейную машинку, упала на пол, сжимая в руках цепочку и кулон. Птица бросилась на меня, пытаясь выклевать мне глаз, но я прикрывалась рукой.

– Так, орнитозный петух! Успокойся! – заорала я в надежде, что птичка окажется из пугливых, но нет.

Порыв сквозняка захлопнул балконную дверь. Я сжала крепче медальон, попыталась выгнать птицу и закрыть окно. В моих руках очутилась старая швабра. Ворон получил по голове, но вместо того чтобы позорно дезертировать с поля боя, яростно бросился на меня. Я замахнулась, ударила, промахнулась. Швабра сломалась, слегка обезоружив меня. Сейчас буду звонить в общество по защите прав человека,

чтобы они срочно прислали того, кто будет меня защищать сначала от ворона, потом от любителей животных, с радостью заноса ворона в Красную книгу, а меня в черные списки. Под рукой оказалась банка, которую я швырнула в сторону пернатого противника, пытаясь нащупать что-нибудь подходящее для самообороны. Банка ударилась о край какой-то доски, разлетелась, обрызгав нас с вороном белой вонючей краской.

Ворон, яростно каркая, бросился на меня, выхватил медальон, но я была проворнее, намотав цепочку на руку. Мы тянули его в разные стороны, а потом цепочка порвалась, меня отбросило в сторону ветхого шкафа, а ворона ударило об стекло. Медальон остался у меня в руке, мне в глаза ударил яркий свет, а сверху упало что-то тяжелое, тут же заставив его померкнуть.

Глава вторая

Принципиальный вопрос

*Женой быть хорошо,
а куртизанкой – интересней!*

Я лежала, постепенно приходя в сознание. Перед глазами все расплывалось, в ушах звенело, а тело было ватным. Мне удалось поднять непослушные руки, посмотреть на них, прикинуть, что с четырьмя руками меня возьмут с радостью не только на любую работу, но и замуж, правда, я попрошу платить мне два оклада и потребую сразу два обручальных кольца. Звон в ушах постепенно стихал, уступая место монотонному противному гулу. В комнате было темно и прохладно.

– ...нет! – раздался взволнованный мужской голос неподалеку. Казалось, что он доносился через стенку. – Нет-нет-нет! Даже не упрашивайте! Это слишком большая честь для меня! Я – всего лишь скромный преподаватель. И заметьте, не амбициозный! У меня вообще нет никаких амбиций! У меня даже потенциал маленький!

– Не такой уж и маленький, – ядовито проскрипел старушечий голос. – Поверь моему опыту, видала и поменьше. Помнится, смотрю, присматриваюсь: «Ты где?» А мужик нервничает: «Да здесь он, здесь! Поищи получше!» Так что

у меня глаз наметан!

– Прекратить! – послышался хриловатый мужской голос. Что-то гулко ударило об пол. – Рты свои закрыли. Мы решаем проблему, а не ударяемся в воспоминания! Это тебя в первую очередь касается, мадемуазель Шарман!

– После того что между нами было, ты просто обязан на мне жениться! – проскрипел ядовитый старушечий голос, приобретая нотки подозрительного кокетства.

Кто-то подавился, послышался стон, переходящий в гаденькие смешки: «Совет да любовь! Совет – беги!»

– Единственное, что между нами было, – это стул! Я еще никогда не женился из-за стула! – рявкнул хриплый голос, но его тут же перебили.

– Господа и дама! Не нужно ссориться! Помните, к нам приходил... – произнес язвительный мужской голос. – Внешность у него что надо! К тому же он немой!

– Немой? – разочарованно поинтересовался скрипучий женский голос. – То есть он меня не к любви склонял, а дорожку спрашивал? Мерзавец! Подлец! Так обмануть наивную девушку!

– Дорогие мои! – вмешался еще один вкрадчивый мужской голос. – В тот момент, когда сюда слетится весь родительский совет, я отойду в сторонку, а вы будете рассказывать, как же так получилось, что королевских детей воспитывает простолюдин... Последнее, что вы услышите в своей жизни, будут мои слова: «А я же говорил!»

– Давайте быстрее! – лениво заметил еще один мужской голос, прокашлявшись. – У меня уже стрихнин по времени, а я еще мышьяк не пил!

– Подвязывай с этим! – грустно заметил хриплый голос под горячее одобрение присутствующих. – Трудоголизм хуже алкоголизма!

– Кто мышьяк с утра не пьет, тот здоровеньким помрет! Кто не глушит цианид, тот весь пир лежит, молчит! – лениво парировали в ответ, кашляя, словно на последнем издыхании.

– Неужели здесь нет ни одного настоящего мужчины! – внезапно послышался старческий голос с придыханием. – Даме дует. Как вдувать, так все, а как дует – так никто! У меня была слишком долгая жизнь, чтобы разочароваться в вас окончательно!

– Да, да, закрывайте окно, Элберт заболел и не придет! – Прозвенели стекла, и послышался хлопок рамы. – Надо расхотиться! Без Элберта мы ничего не решим!

– Да при чем тут окно! Ничто не греет женщину, как крепкие мужские объятия! – кокетливо произнес старческий голос. – Это я намекаю, что мне холодно!

– Другая бы на твоём месте уже давно внуков нянчила! – возразили ей.

– Хорошей женой быть хорошо, а куртизанкой – интересней! – сладенько огрызнулась бабулька. – Неужели никто меня не обнимет?

– А что? Где-то рядом есть смерть? – вкрадчиво поинтересовался голос. – Прости, Шарман, костлявенькая с объятиями пока задерживается! А замещать ее мы не имеем права!

– Короче! К чему мы пришли? – вздохнул хрипловатый голос. – Мы пришли к концу нашей преподавательской деятельности.

Послышались многочисленные шаги, в комнате, в которой я приходила в себя, вспыхнул яркий свет.

– Не может быть! – раздался хриплый голос, пока я пыталась проморгаться и отползти подальше. На всякий случай. – Вот это да!

– Так она же молодая, – возмутился старческий скрипучий голос с нотками ревности. – А по правилам Академии Прекрасных Принцев, ректором становятся женщины от шестидесяти и мужчины от тридцати! А то опять начнут орать, что соблазнили их мальчика! Окрутили! Он не виноват! Он ничего в этом не понимает! Она, воспользовавшись наивностью, затащила его на себя! А женщине, между прочим, нельзя поднимать и тащить на себя восемьдесят килограмм венценосного тела! И под предлогом «завязать шнурки» раздела его! У меня шесть папок объяснительных! Это только по молодости! Сейчас проще! Раньше, когда заходила, снимались штаны, а сейчас обвинения!

– Радуйся, что не шляпы! Есть еще поправка на женщин от ста пятидесяти. Но это по весу! – огласил весь список дис-

криминаций язвительный голос. – Так, что мы будем делать? Откармливать?

Я попыталась встать, опираясь на что-то шаткое позади меня, и тут мне на голову снова что-то упало. В ушах зазвенело, а передо мной лежал и расплывался огромный талмуд с изображением короны. Я покачнулась и снова провалилась в темноту.

Очнулась я от того, что лежу в полумраке на красивой постели. Вот этот сон мне нравится!

– Проснитесь, – прошептал на ухо хриловатый мужской голос, а моей взмокшей щеки коснулись холодные пальцы. – Проснитесь, прекрасная незнакомка...

Вот это я понимаю! Ради такого сна стоит даже в обморок упасть! Кто-то взял мою руку и поднес к своим губам, нежно прикасаясь к ним, заставив мое сердце трепетно дрогнуть.

– С вами все в порядке? – прошептали мне, убирая липкие волосы с моего лица. – Вам стало плохо...

Я приоткрыла глаза, видя перед собой чертовски красивого мужчину, который склонился надо мной, как Принц над Спящей Красавицей. Сердце забилося от волнения, а я тревожно сглотнула, чувствуя, что такие сны снятся не каждый день.

– Как вы себя чувствуете? – прошептали мне, прижимая мою руку к своей груди и нежно перебирая мои пальцы.

– Так себе, – вздохнула я, разглядывая аристократическое лицо с выразительными серыми глазами. Легкая проседь

уже посеребрила виски красавца, а улыбка выдавала штрихи ямочек на щеках. Я вижу даже первые морщинки, которые ничуть его не старят, а скорее роднят с хорошим, выдержанным коньяком, терпким и дорогим, который не грех пригубить.

– Знаешь, когда я в первый раз тебя увидел, – мои пальцы нежно погладили, пока я сделала глубокий вдох женского блаженства, – я сразу понял, что ты – именно та, которая нужна...

Продолжай, продолжай...

– Нет смысла больше тянуть. – Серые глаза смотрели на меня с такой нежностью и грустью, от которой хотелось зажмуриться и замурчать, как кошка. – Я не знаю, к чему церемонии, потому как только я вас увидел, то решил сделать вам предложение... Не почтите за дерзость, но вы согласны?

– Эм... Я не уверена... – слабо прошептала я, поражаясь тому, что наши отношения так быстро перешли из стадии «я тебя увидел» в стадию «пока смерть не разлучит нас», минуя все промежуточные стадии «как тебя зовут?», «чем увлекаешься?», «держи букетик!», «может, сходим куда-нибудь?».

– К чему сомнения? Я приказываю! – улыбнулись мне, в голосе слышались стальные нотки. А я уже чувствовала, что кроме смерти нас может разлучить глубокий обморок или крепкий сон. Этот нам не подходит. Слишком шустрый. Следующего, пожалуйста!

– Пульс слабый, – услышала я ленивый негромкий голос,

с трудом открывая глаза. Надо мной сидел седоволосый молодой человек с васильковыми глазами. Он слегка смутился. – Ты как себя чувствуешь? Называй симптомы... Голова кружится? Хм...

– Э... – заинтересовалась я, чувствуя, как меня нежно держат за руку. Во рту все высохло и слиплось. Скорая помощь меня начинала радовать своим подходом к подбору персонала. Промелькнуло даже «мальчик по вызову», для игры «в доктора».

– Просто у меня есть к тебе предложение... – прошептали мне, слегка смущаясь. О! И этот туда же! Да они что! Сговорились все?

– Может, сходим для начала куда-нибудь? – простонала я, понимая, что во сне у меня эпидемия «любовей с первого взгляда».

– Ой, прости, я не подумал. Ты сходишь, а я отвернусь! – анонсировали наш культурный поход очередной «заразный».

– А вдвоем никак? – слабо спросила я, сжимая в руке медальон. Я представила, как прожорливым бакланом наябриваю заказ, пока «ухажер» сидит и конвертирует мой аппетит в местную валюту, сверяясь с меню и стоически отворачиваясь, понимая, что чаевые для него сродни покупке новой машины. Не представляю, что будет с ним, когда девушка изъавит желание поиграть в прожорливую гусеницу, возжелав недоеденное, но очень соблазнительное и шустрое яблоко.

– Эм... Вдвоем никак, – почему-то смутился герой моего

сна, усиливая мои подозрения. – «Горшок» как бы один...

Пока я вспоминала, где в городе обосновалось столь дорогое и шикарное заведение с очень презентабельным названием «Горшок», мне подсунули красивый горшок с ручкой. Отлично, занимаем лучшие места, изучаем меню, а потом отрываем чек. Я простонала и закрыла глаза, понимая, что даже во сне мне не очень везет с мужиками, поэтому отвернулась и уснула, чувствуя, приступы слабости и головокружения.

Я очнулась от того, что меня осторожно похлопали по щекам.

– Дорогая моя! – Я открыла глаза, глядя на темноволосого мужчину с кудрями, склонившегося ко мне. – У меня для тебя есть отличное предложение! Очень выгодное! Ты только подумай, одно твоё «да», стоит кругленькую сумму денег.

Мои глаза округлились похлеще суммы, которую мне озвучили.

– Для этого нужно подписать вот здесь! Поверь мне, более выгодного предложения я никогда никому не делал! – Мне в руку вложили перо, поднося его к листу бумаги. – Тут нет смысла даже сомневаться! Смотри! Это – очень быстрый способ наживы! Я бы даже сказал «шальные деньги»! Только тихо и быстро! Никто ничего не заметит, а если заметит, то...

Я бросила перо, понимая, что дьявольские огоньки в глазах в последний раз блуждали в глазах сотрудника банка, ко-

торый предлагал мне «очень выгодную ипотеку», рекомендуя мне прожить еще лет сорок. Я что-то не могла гарантировать банку, что проживу именно столько, скептически глядя на молодую семью на буклете. Ладно родители! Дети-то почему улыбаются? Со мной соглашались: плохая экология, медучреждения родного города, водители с бутылкой крепкого алкоголя, товарищи без зажигалки, облюбовавшие темные закоулки, кирпичи, высматривающие мою макушку среди других макушек, и одинокий балкон, готовый в любой момент оправдать мою обиду на весь мир.

– Пошел ты, – выдохнула я, пока горький опыт юридических приключений бегал за лупой, чтобы прочитать то, что написано третьим шрифтом в разделе «сноски».

Я простонала, потрогала лоб, поворачиваясь на другой бок. Сон про сон – это что-то новенькое!

– Малыш, – негромко промурчали мне на ухо, заставив открыть глаза. – Вставай, малыш! Не упрямься!

«Вставай» меня смущало, «малыш» огорчало. Матушка-природа взяла на себя «малыша», а моя самооценка со скрипом приняла на свой счет «вставай».

– Надень штаны и мучайся! – проворчала моя женская самооценка, закрываясь подушкой.

– Малыш, вставай, – потыкали в меня чем-то остреньким. Я обернулась, а к моему горлу устремилось что-то сверкнувшее металлическим блеском. Холодное лезвие уперлось в мое горло, заставив сердце бешено заколотиться от неожи-

данности. «С добрым утром, любимая!» – шептало забываемое утро, зачеркивая с гаденькой улыбкой слово «доброе» на бейджике. «Утро, просто утро!» – отрекомендовалось время суток, пока я скосила глаза к носу и смотрела на руку в черной перчатке, сжимающую рукоять маленького стилета.

– Итак, малыш, выслушай меня внимательно, – прошептали мне на ухо. – Есть предложение, на которое нужно сказать «да». Только «да». Запомнила? А потом поставить свою подпись. Красиво, малыш, аккуратно, чтобы никто не придрался. Итак, ты согласна?

– Да, – тихо сглотнула я, глядя, как мне подсовывают листок с предложением. В мои дрожащие пальцы вложили перо, а я осторожно поставила какую-то «закарлючку», смутно напоминающую мою подпись.

– Она согласна! – Мое горло отпустили, заставив меня нервно податься вперед и прижать руку к тому месту, где еще недавно был повод понервничать. – Держите ваш договор!

– Ура! – раздалось со всех сторон. Вспыхнул свет, я видела, как с кровати вставал высокий светловолосый улыбающийся тип с обольстительной улыбкой последнего мерзавца, пряча ловким движением металлическое острие в голенище красивого сапога.

В комнате было полным-полно народу. Тот самый выдержанный красавец с проседью стоял в позе штандартенфюрера СС, одергивая кружевные манжеты, спрятанные под глу-

хим черным сюртуком, седовласый, слегка взъерошенный молодой человек с нездоровой бледностью и васильковыми глазами прятал руки в рукава какой-то неряшливой хламиды, хищный кудрявый брюнет с профилем гордого орлана скептически приподнял бровь, поигрывая золотыми перстнями на руке и тот самый светловолосый, вполне симпатичный мерзавец улыбался так широко, что казалось, за ушами есть маленькие завязочки.

Неподалеку сгорбилась небольшая дряхлая старуха с мушкой на припудренном лице. Если оценивать количество штукатурки, то за ней должен ходить профессиональный маляр с валиком, закрашивая отвалившиеся фрагменты. На голове старушечки возвышался огромный, неопрятный и несуразный припудренный седой парик со старенькими и грязненькими бантиками. Из парика на меня, как из скворечника, выглянула мордочка мыши, а потом спряталась. Сама бабушка была одета так, что мне тут же захотелось укутаться в шаль, накинуть на голову платочек и пристально и подозрительно посмотреть ей вслед взглядом скамеечной инквизиции. Кружевное потрепанное декольте располагалось в районе пупка, обнажая дряблую шею с бархоткой, далее был атласный корсет, который заканчивался пышной юбкой с заплаткой. Юбка была коротюсенькой, но пышной, обнажая кружево двух старых растянутых чулок и туфли с большими бантами. Я бы даже сказала, что чулки слегка провисали, а по одному из них вверх ползла жирная стрелка. Но

даже эта стрелка не могла сравниться с теми стрелками, которые были нарисованы на морщинистых веках. Старуха обмахивалась плешивым веером, донором к которому был сначала страус, а потом, в свете финансового кризиса, – петух.

– Добро пожаловать в Академию Прекрасных Принцев – самое престижное и дорогое учебное заведение современности! – пафосно проскрипела бабушка, обмахнувшись своим петухом. – От лица всего педагогического состава мы рады поприветствовать нового ректора!

– Кого? – Я на всякий случай обернулась по сторонам, чувствуя, как холодеют мои конечности. Еще бы не холодеть! Рядом не терся солидный мужик в лоснящемся костюме, который в этот момент должен был торжественно жать всем руки!

– Я – мадемуазель Шарман. Очень заслуженный преподаватель искусства обольщения. В свое время переспала со всеми монархами, включая всех их родственников мужского пола, – проскрипела бабушка, делая такой вычурный реверанс, что правая грудь чуть не вывалилась наружу, но хозяйка заметила это раньше и прикрыла ее веером, направляя обратно. – Ой! Ой-е-ей! Разогните меня!

Она шарила костлявой рукой в поисках поддержки, а потом с хрустом разогнулась сама, кашляя и проклиная нынешнее поколение мужчин так, что следующего поколения могло и не быть.

– Это, – пришла в себя мадемуазель Шарман, показывая

свернутым веером в сторону «фюрера», – наш преподаватель этикета! Арден фон Файербрук. Барон. Идеальное воспитание в строгой семье! Последний инсульт у него случился в тот момент, когда вилкой для рыбы ели мясо птицы!

– Драсте, – неуверенно кивнула я, а барон приблизился к моей руке, склонился и поцеловал, заставив меня слегка покраснеть. Я посмотрела в холодные серые глаза и на красивую осанку, скользя взглядом по наглухо застегнутым пуговицам.

– Это... Ой! Совсем забыла! Кажись, с ним не спала, а уже забыла! Бывает же такое! – прокашлялась бабка, показывая на бледного мужчину в хламиде, который постоянно доставал из кармана почерневшие часы и нервничал, поглядывая на них. – Наш преподаватель по ядам! В свое время отравил двести шестьдесят восемь человек! Винсент Аннехотители-чашечкучая! Увы, фамилия его неизвестна, она даже нам не говорит.

– Двести шестьдесят девять, – лениво поправил молодой человек, глядя на меня так, словно собирается принести мне кофе в постель, пока за дверью дежурят похоронные агенты. – Вспомни маркиза...

– Ах да, как я могла забыть! – занервничала старушка, интенсивно обмахиваясь веером. – Вот наш преподаватель по казне. Робер Эрдинанд. Был некогда министром при этом... как его... кривой... Бертран, кажись...

– Кривой? – скептически уточнила я, представляя скуко-

женного монарха с прогрессирующей формой сколиоза. Седовласый молодой человек посмотрел на часы, достал из кармана какой-то флакон, залпом его осушил, крикнул, сморщился и застонал, как при родах. «Ай-я-я-йй!» – мучился он, хватаясь за живот и бледнея.

– На Винсента внимания не обращайтесь. У него по времени цианид! Это для меня Бертран – кривой. А для всех Бертран Бедный! Ну да, кривой, маленький... Да! – сладострастно улыбнулась старушка, растянув в улыбке намазанные алым губы. – Так вот, он был министром при Бертрane Бедном. Почему он был беден – знает только Робер.

Мне подарили дьявольскую улыбку, сверкнув глазами и слегка приподняв брови.

– Наш преподаватель, с которым вы уже слегка познакомились, Лючио. Придворный интриган, ветеран двадцати трех дворцовых переворотов, идеолог более шестидесяти. И заметь, всегда выходил сухим из воды. Три раза менял правящие династии за месяц! Профессионал!

Блондин с широкой улыбкой поклонился мне, даря коварный взгляд и закусывая губу. Я что-то уже минуту пытаюсь сглотнуть, но все никак не получается!

– А вот наш учитель фехтова... – продолжила старуха, но я ее перебила, глядя на толпу почетных преподавателей:

– Пойдите! При чем здесь я? – Я бросила подозрительный взгляд на делегацию.

– Как при чем? Вы – наш новый ректор! Завтра начи-

нается учебный год, сюда съедутся принцы со всех земель. Так происходит каждый раз, когда во всех королевствах есть наследники мужского пола. Как только самый младший из них достигает шестнадцатилетия, объявляется набор в Академию. Мы готовим прекрасных принцев и будущих королей! И вы... кстати, как вас там... теперь наш новый ректор!

– Я – кто? – удивилась я, сжимая в руке медальон. – Ректор? Да вы шутите!

– Вы не просто ректор! Вы, считай, лицо Академии! Вам ничего делать не нужно. Просто подписываете документы, выступаете с речью, общаетесь с родителями и получаете за это очень хорошую зарплату! – закивали мне. – А мы, если что, пугаем вами учеников! Вы только представьте! Сто тысяч золотых! Вас всем обеспечат, включая личные покои, кабинет, одежду и еду. Поверьте, у нас отличный повар! Королевская кухня на высоте! Конкретно – в той башне!

Все переглянулись и стали соглашаться, мол, да, предложение выгодное. Я чувствовала, что сомневаюсь в своих умственных способностях. Сто тысяч? За то, что ты просто сидишь и дуешь щеки? Целый год ходишь с важным видом и толкаешь умные речи?

– Хорошо, а в чем подвох? – ядовито уточнила я, сжимая покрепче свой медальон.

– Какой подвох? – ахнула Шарман, обмахиваясь веером и хлопая глазами так, что у нее слетела накладная ресница. – Никакого подвоха нет! Где вы его увидели? Нам просто ну-

жен ректор!

– Абсолютно никакого подвоха! – авторитетно покачал головой преподаватель по этикету, поднимая на меня серые глаза.

Кто-то рассмеялся, а я слегка успокоилась. Если действительно платят такие деньги, считай, за красивые глаза, то... Почему бы и нет? Что в этом такого? Я осторожно разжала руку с медальоном, который на удивление легко раскрылся. С одной стороны был нарисован наш мир, с другой – какой-то сказочный замок, а по ободку шла надпись: «Нажми на камень и выбери свой путь!» Я так понимаю, что вернуться всегда успею, так что...

– Хорошо, я согласна! – кивнула я, примеряя к своему имени и отчеству солидную приставку «ректор». Не офис-менеджер Настя, а ректор королевской Академии Анастасия Николаевна! «Анастасия Николаевна! Подпишите документы!» – мне приносят красивую папочку. «Анастасия Николаевна, родители пришли поблагодарить вас за все хорошее, что вы для нас сделали! Примите наше скромное подношение, на которое мы скидывались всем трудовым коллективом!» Первый человек в Академии! Я уже мысленно представляла себя в солидном кресле, пока мне отчитываются все преподаватели, составляла графики и утверждала расписания занятий, а потом чинно вышагивала по коридорам, давала указания, раздавала выговоры и премии...

– Мы пока оставим вас! Через пару часов здесь будут

принцы и их родители! – сообщили мне. – Мы должны будем подготовиться к началу учебного года!

Дверь за делегацией закрылась, я встала, подошла к зеркалу, сделала надменное лицо, даже приосанилась. Ректор Анастасия Николаевна! Перед глазами возник коридор родного вуза, по которому шел доисторический реликт в очках, а все расступались и здоровались!

– Мною даже угрожать будут! – усмехнулась я, глядя на мятое и сонное лицо Академии. – Я буду хорошим ректором! Не зря же я окончила магистратуру с отличием! А еще я увижу настоящих принцев! И...

Я слегка покраснела, вспоминая красивые сказки.

– Возможно... – я лукаво улыбнулась сама себе, представляя замки, короны и белоснежных коней, – возможно, среди них есть и мой принц. А почему бы и нет?

Мысль о том, что сюда съедутся принцы со всех земель, поднимала мое настроение!

– Быстрее сюда! – послышалось за дверью, а ко мне ввалилась все та же делегация. – Несите одежду! Они уже съезжаются!

– Быстро одевайте на нее ректорскую мантию! – командовала парадом старуха, интенсивно обмахиваясь веером.

На меня водрузили какой-то огромный ковер с золотой вышивкой.

– Как вас зовут? – послышался задумчивый голос, на который я обернулась, увидев целый консилиум из трех чело-

век, склонившийся над бумагой.

– Анастасия, – отозвалась я, глядя на свое отражение в зеркале. Бабка суежилась рядом, присматриваясь к моему лицу и близоруко щурясь.

– Несolidно! Ой, несolidно! – кряхтела мадемуазель Шарман, рассматривая меня со всех сторон и доставая огромную коробку, напоминающую походный чемодан средневекового инквизитора. – Держите ее! Сейчас! Сейчас!

Мне в лицо стали тыкать огромной, пушистой и старой мочалкой, заставив закашлять от неожиданности. Вокруг меня поднималось облако белой пыли.

– Бледная, потому что работает много! – Мне снова шлепнули по лицу, пока я пыталась сплюнуть с губ белый порошок, похожий на муку. – Чего переживаешь? Мука это, мука! Белила нынче дорогие! Дефицит!

Колобок имени меня пытался высвободиться, глядя, как старческая рука потянулась к каким-то щипцам.

– Надо что-то позаковыристей! Посolidней! – бухтел кто-то позади меня. – Тише, я думаю...

– Прекратите! – орала я, когда мне пытались продрать волосы и соорудить на них прическу. – Итить твою мать! Вы что вытворяете!

– Solidно, – согласился кто-то за спиной, пока я пыталась выкрутиться из лап доморощенных парикмахеров.

– Согласны! – подтвердили за моей спиной.

– Тьфу ты! – прокряхтела бабка, глядя на мои три воло-

сины, которые никак не хотели стоять дыбом без посторонней помощи. – Придется парик надевать! Сейчас гляну, какой-нибудь ненужный!

Мне на голову надевали лысую шапку с реденькими волосенками. Проплешина справа не смущала никого, кроме меня!

– А ничего, что тут... эм... – Я показала пальцем на вырванный клоч волос, глядя на свое бледное отражение в зеркале.

– Ничего, ничего! – успокаивали меня, рисуя огромные синяки под глазами. – Это от нервов! А синяки от бессонных ночей!

Я отклонилась, пытаюсь посмотреть на себя, но мадемуазель Шарман заслонила собой весь вид, доставая шкатулку с какими-то черными бородавками и обильно расклеивая их по моему лицу так, словно я недавно переболела корью.

– Прекратите! Я сама все сделаю! – вырывалась я, пока меня держали за руки и наседали на плечи. – Не нужно клеить мне эти бородавки!

– Это – мушки! – пояснили мне, пытаюсь накрасить губы. – Держите ее крепче! Я ей губы накрасить не могу!

– Преподавала в... – бубнил кто-то позади, пока я вырывалась и пыталась уползти!

– Это что за Волчегонская Академия Гопоты! – огрызнулась я, чувствуя, как остатки парика пытаются завить щипцами, выдирая искусственные волосы клоками.

– Отлично! – обрадовался кто-то позади меня. – Просто превосходно!

– Нет, я серьезно! – простонала я, когда щипцы чуть не заехали мне в глаз. – Пустите! Я кому говорю! Я передумала! Да лучше я буду уборщицей в Мухосранском политехе!

– Мухосранском политехе, – размеренно и абсолютно спокойно повторил голос за спиной.

– Или учебным пособием в школе волшебства и магии Хогвартс! – простонала я, чувствуя, как меня сверху еще и припудривают. Я попыталась встать, но меня тут же усадили в кресло. На коленях лежал клочок волос парика, а хватка на мне слегка ослабла. Серийный маньяк Красота посмотрела на свою жертву и решила не оставлять улики.

Я прокашлялась мукой, поднимая глаза на свое отражение. Мне кажется, что перед показом такого нужно предупредить людей с расшатанной нервной системой и больным сердцем! А также впечатлительных домашних животных со слабым мочевым пузырем! Из зеркала смотрела чья-то по-смертная маска с огромными синячищами под глазами и перекосенным ртом. Парик был похож на дохлого кота, который недолго залежался возле помойки и тут же посмертно вошел в индустрию красоты! На лице красовались огромные черные мухи, дружно облепившие колобка, бросившего ко-сой взгляд на опустевшие косметические сусеки.

– Готово! – послышалось позади меня. – Рекомендации нового ректора готовы! Я думаю, что не придерутся!

Дверь распахнулась, вбежал опасный блондин, задыхаясь и обводя взглядом всех присутствующих.

– Ой! – застыл он, уставившись на меня. – Что-то у меня с сердцем плохо... Тащите ректора!

Мне на нос напялили огромные стрекозиные очки, похожие на две лупы, под мантией очутились чьи-то руки, заталкивая туда что-то мягкое, а потом меня толкнули в спину и поволокли по роскошным коридорам в сторону голоса, который восхвалял нашу Академию на все лады. Перед глазами все расплылось, а я пыталась понять, куда меня тащат. Очки с меня слетели, потом хрустнули, я мельком увидела толстую, страшную, упирающуюся тетку. Мне тут же нахлобучили очки с трещиной, чуть не оборвав ухо, наскоро поправив съехавший парик.

– Поприветствуйте нового ректора Академии Прекрасных Принцев! – задохнулся голос, прокашлявшись, пока перед глазами мелькали загадочные мутные пятна. Прошуршала бумажка. – Анастасию фон Ититьтвоюмать!

Глава третья

Грызуны гранита науки

*Я здесь работаю на полставки,
потому что одной ногой в могиле*

Что??? Я прокашлялась так, словно конец первого семестра удивительным образом совпадет с моими похоронами. Это что получается? Почему я не слышу рыдания паспортистки? С каких пор я Анастасия фон Ититьтвоюмать? Я сейчас срочно выйду замуж за автора идеи, силой заставив его взять фамилию супруги!

– О, distinguished короли и королевы, мы представляем вам потомственного ректора! Ее отец был ректором, ее мать была ректором, ее дед был ректором, ее бабушка была ректором! Все ее родственники – ректора! – не унимался преподавательский состав, который после моей новой фамилии не мешало бы подсократить и проредить!

– Мы пригласили нашего distinguished ректора из другого мира, тщательно проверив все ее рекомендации! Более подходящей кандидатуры мы и представить себе не могли! – торжественно и очень радостно объявил голос. – Еще бы! В ее руках весь тяжелый учебный процесс!

Если спросят про обезображенный труп на рабочем месте, знайте, он был зверски забит учебным процессом! Раздались

вялые одиночные хлопки и подозрительный шепот. Темные пятна о чем-то перешептывались, но их шепот сливался в гул, и мне ничего не удавалось разобрать. Я нервничала, пытаясь осторожно отступить назад, но мне в спину уперлось что-то острое, заставив пересмотреть план побега.

– ...почетный ректор Мухосранского политеха. Я лично был в Мухосранском политехе, в котором преподавала наша distinguished ректор. О ней высокого мнения не только преподаватели, но и студенты! Они плакали, провожая ее в Волчегонскую Академию Гопоты, куда она ушла поднимать дисциплину и успеваемость! Там о ней тоже очень высокого мнения! Ее профессионализм, ее чуткость сделали свое дело, и мы решили, что это – именно тот ректор, которого заслужили ваши многоуважаемые наследники!

Мутные пятна вряд ли когда-то учились в столь элитных заведениях, поэтому стойчески молчали. Мне очень чесалось снять очки! Прямо зудело! И как только я собралась осторожно приспустить их и почесать нос, послышалось: «Предоставляем ей слово!» Слово? Какое слово? Единственное слово, которое напрашивалось, нельзя озвучивать при детях!

– Кхе!!! – вырвалось у меня, когда в зале воцарилась тревожная тишина. – Добрый день! Я рада вас приветствовать! Вот и начался учебный год, прозвенел первый звонок, опали первые листочки, и уже пора за парту... Лето пролетело незаметно... Эм...

Дальше я еще не придумала, поскольку речь для меня была неожиданностью.

– Поверьте, ваши дети в надежных руках, – тут же сориентировалась я, сжала кулак и потрясла им. – Через мои руки прошли сотни... эм... детей... Мы ударим по успеваемости со страшной силой!

– Она будет их бить!!! – внезапно заорал чей-то истеричный голос, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. – Она будет избивать нашу кровиночку! Избивать и мучить! Плеткой! За непослушание! Арл, Арл, ты слышал? Будут бить нашего сыночка! Нельзя его сюда отдавать!

– Тише, Мадлен, тише, – послышался негромкий мужской голос. Я осторожно приспустила очки и увидела тощую женщину под полтинник в роскошном алом платье с огромным, вышитым золотом воротником, зажимающую рот кружевным носовым платочком. Корона чуть не упала с замысловатой прически, а рядом утешал ее, пытаясь до нее допрыгнуть, маленький, пузатенький, прыткий, как мячик, мужик с седыми бакенбардами и короной.

– Она будет избивать нашего малыша-а-а! – истерила мадам. Руки у нее тряслись, а служанки суетились вокруг, обмахивая госпожу веерами. – Палкой избивать наследного принца! Милый! Иди к мамочке! Мамочка тебя в обиду не даст!

Огромный двухметровый светловолосый принц с могучей фигурой древнегреческого героя и суровым лицом бывшего

викинга поправил корону и подошел к матери, которая бросилась ему на грудь.

– Мамочка никому тебя в обиду не даст! – всхлипывала королева, пока губы страдальца дрожали.

– Мамочка, – послышался голос красавца. – Прекрати! Я стану настоящим королем! Таким, как мой отец! Я пойду по стопам моего достопочтенного отца!

– Эм... – растерялась я, прикидывая, сколько малышу и у малыша... отцов, потому что господин Мендель, глядя на родителей, подозрительно прищурился в сторону светловолосого телохранителя, как две капли воды похожего на «венценосную лапушку». – Никто никого бить не будет! Я сделаю из них настоящих мужчин!

– Совратительница! – взвизгнула маленькая старенькая толстушка с огромной короной, к которой наклонился высокий худющий старик, задыхаясь от негодования. – Мужчин из них делать будет! Он же ничего не понимает! Наивное дитя! Затащит на себя, разденет... Скажет «давай поиграем»! Знаю я вас! А потом бастардов десяток приведет! Еще бы! Наследный принц! Это тебе не какой-нибудь крестьянин!

– Я не это имела в виду! – занервничала я, поглядывая на первую седину красивого сорокалетнего принца. В таком возрасте уже не понимать, а принимать нужно лекарства для поддержания авторитета и иммунитета... Опытный мачо заправил выбившуюся рубашку в кальсоны, гордо вскинув голову. Я представила, как предлагаю ему посмотреть котен-

ка и протягиваю конфетку, оглядываясь, как заправский ма-
няк, а он потом, наматывая сопли на кулак, стыдливо пока-
зывает на плюшевом медвежонке дрожащим пальцем, в ка-
ких местах его трогала похотливая тетя-ректорша.

– Я имела в виду, что мы, если что... эм... Если видим старание со стороны... эм... ребенка... поможем ему... Натянем оценки! – терялась я, пытаюсь успокоить нарастающую панику. – Мы будем стимулировать членов нашей Академии для того, чтобы показать результат!

– Это кто тут кого натягивать собрался! – вспылила еще одна королева, которую обмахивали веерами красавицы-фрейлины. – Как чувствовало мое материнское сердце! Эдевар! Да они же еще дети! Им еще рано думать о таком!

Один принц тряхнул золотыми локонами и рассмеялся, как бы намекая, что он немного в теме, а второй, брюнет с длинными темными волосами, нахмурился, мрачно посмотрел на брата и ссутулился, однобоко улыбаясь.

– Мы приложим все старания... – По моему виску стекал холодный пот, а колени предательски прогибались. Очки съехали на нос, а в зале царила настоящая паника. – Приложим... старания... эм... чтобы они получили достойное образование. Им придется грызть гранит нау...

– Грызть? – задохнулись венценосные родители. – Их заставят грызть гранит! Вы себе это представляете? Нет, нет, нет!

«Грызуны» гранита науки занервничали, поглядывая в

сторону родственной истерии.

– Да успокойтесь вы! Это – образное выражение! – взывала я к публике, понимая, что столь проникновенной речи, проникающей в трепетные родительские сердца, не толкал ни один директор! Надо закругляться. – Короче! Поздравляю вас с новым учебным годом!

Руки дрожали, макияж стекал вместе с испариной, парик съехал набок. «Совратит ребенка! Нельзя доверять ей нашего сына! Слышишь, Ирланд!», «Целый год! Целый год! Да он здесь погибнет! Арл, Арл, давай заберем его отсюда!» – причитали матери, ломая себе руки.

– Пусть новый наш учебный год... – икала я, лихорадочно пытаюсь что-то изобразить в качестве финала своего выступления, – вам много счастья принесет! Гирлянды и хлопушки, под елочкой – игрушки... Ой! Поздравляю вас с новым годом! Мы сделаем все возможное, чтобы воспитать из них достойных королей! Именно переворот в системе образования – путь к короне! Да! Мы устроим переворот...

Я даже подняла дрожащую руку вверх, потрясая кулаком, мол, мы тут не просто так зарплату получаем! Я-то уж точно!

– Дворцовый переворот? – ужаснулся лысый король, которому подобострастно утирали пот со лба. – Подговаривать моего сына на переворот? Казнить ее! Немедленно!

– Но, сир, Академия не под нашей юрисдикцией! – оправдывался слуга, пригибаясь от тумачков, но тут же пропуская болезненный пинок королевским сапогом.

– Хорошо, мы сделаем все возможное, чтобы воспитать из них просто людей! – У меня дрожали колени, а сердце билось, как загнанная в угол мышь.

– Простолюдинов?! – взбеленился бородатый толстяк, чуть не уронив корону на пол. Слуга поддержал ее на лысеющей голове, пока его величество багровел от возмущения и размахивал руками, как ветряная мельница.

– Вам нельзя нервничать! У вас обострится... – шептали слуги, пригибаясь, пока их государь бушевал и топал ногами.

– Да если бы не проклятие, которое падет на голову тем, кто не отдаст принца учиться, ноги бы моего сына не было бы в этой Академии! – выкрикнул какой-то бородач. В зале стоял такой гул, такие крики, что хотелось провалиться сквозь землю.

– А я же говорил, – слышался знакомый, преисполненный яда голос за спиной.

– Нужно было начинать с «достопочтенные короли и королевы, да пребудут с вами долгие лета правления, да воцарится благоденствие на землях ваших, да не оскудеет казна...» Про королевское достоинство и образование... – ворчал хриплый голос.

– Дети – наше будущее! – прокричала я, чувствуя, как по спине потек холодный пот. – Я двумя руками возьмусь за их королевские достоинства... Точнее... Одной рукой за образование, другой – за достоинство! Мы...

Я подняла руки для убедительности, вспоминая своего

ректора. Чья-то королева-мать упала в обморок, срочно требуя нюхательные соли с лавандой.

Ржушие, как кони, принцы внезапно побледнели так, словно я потрясаю оторванными достоинствами предыдущего выпуска.

– Короче! Мы рады принять их в члены нашей Академии! Вы меня неправильно поняли! Я не собираюсь с ними спать! Успокойтесь! Я прошу вас! – сдалась я, понимая, что это – провал.

– Да, лучше бы мы того немного, который заблудился в лесу, взяли! Я, наверное, пойду, а то что-то скучно! Мне еще настойку паслена пить, – слышался ленивый голос позади меня.

– Согласна, – хрипло и как-то обреченно вздохнула позади меня мадемуазель Шарман. – Я здесь на полставки, потому что одной ногой в могиле. Девственность я давно потеряла, честь и совесть – тоже. Так что терять мне уже нечего...

– Да, кандидатура была в самый раз, – усмехнулся голос позади меня. По залу растекался запах лаванды.

– Да не эти! Дура набитая! Другие! – визжала королева в синем платье, в очередной раз падая в обморок.

– А что? Эльвинг овдовел? Или это его сын? Не могу понять! – слышался кокетливый скрип. Со своих позиций, судя по кряхтению, выдвигалась куртизанка-партизанка. – Помнится, любил, когда в простыне дырочка. Сам проковыряет, потом накинёт на тебя, дескать, через простыню изме-

ной не считается...

Белокурый «дырочка в простыне» стоял со скучающим видом рядом, закатывая зеленые глаза, поглядывая на своего разбушевавшегося папашу.

– Подавайте карету! – топал ногой толстый бородатый король, свирепо сопя. – Быстро подать карету! Ни минуты мы здесь оставаться не намерены! Ни минуты!

Рассерженная делегация двигалась в сторону роскошных дверей. Какую-то королеву несли на руках, а она приоткрывала глаз, чтобы раздать указания, а потом снова сникала, пока служанки бежали за ней, обмахивая ее веерами и тыкая ей под нос какой-то мешочек.

Внезапно в зале стало темно. Зловещая темнота заставила королевский хор умолкнуть и обернуться. Огромная люстра покачнулась, свечи на ней погасли в один миг, словно какой-то вампир-именинник набрал воздуха в грудь и задул их в честь своего двухсотлетнего юбилея. В подтверждение моей догадки по залу пополз такой могильный сквознячок, от которого я зябко поежилась. Дверь захлопнулась прямо перед носом родительского комитета. Короли, королевы, принцы и слуги попятились, тревожно оглядываясь по сторонам.

– Что это? – занервничали они.

Раздался чей-то басок:

– Мама, забери меня отсюда! Мне страшно!

– Охрана! Покушение! – рявкнул кто-то, пока вокруг семей сгруппировались рыцари, обнажив мечи. – Переворот!

Ловушка!

В зале воцарилась тишина... Черные тени отделялись от статуи, принимая зловещие очертания, словно протягивая руки к гостям. Гобелены затрепетали, словно паруса, а в воздух поднялись вазы, цветы, книги... У меня пересохло в горле и похолодело. Я попятилась поближе к педсоставу. Никогда еще мне так не хотелось влиться в наш дружный коллектив, стать его неотъемлемой трясущейся частью... Если бы такое случилось на моей первой линейке, то я бы обмочила гольфики и обсморкала бантики! Может, это – часть культурно-развлекательной программы? Не знаю, как другие, но я склонна к бескультурно-орательной программе в надежде, что меня кто-нибудь вытащит отсюда!

– Ректор! Где ректор? – наперебой орали коронованные родители, пока охрана размахивала мечами, пытаясь сбить вазы и цветы. – Какой ужас! Что это значит! Как вы допустили такое безобразие! А ну быстро зажгите свечи! Разберитесь!

Я согласна побыть местным Терминатором и молча разобраться на запчасти! А еще лучше – слиться в ртутную лужу и просочиться куда-нибудь подальше!

– Прекратите это немедленно! – приказывал мне кто-то из родителей, пока охрана тыкала мечом в темноту. – Безобразие!

Сейчас-сейчас, стринги подтяну и полечу спасать мир, выставив вперед кулак. Мне очень хотелось быть каким-нибудь

суперменом, чтобы со словами «Я скоро вернусь!» раствориться в высоких слоях атмосферы. Просто лететь и не оглядываться, пока на земле все пожимают плечами: «Она улетела, но обещала вернуться!» А как известно, обещанного три года ждут! За три года все уляжется, пятно на репутации высохнет и все будет хорошо!

– Не поддается! – пытались выломать дверь охранники, пока принцы боязливо жались к своим родителям. Преподаватели стояли молча, глядя на то, как раскачивается люстра и откуда-то веет могильным сквознячком, шевеля гобелены.

– Э-э-э... – набралась смелости я, сделав шаг вперед и поднимая с пола свой отбитый коваными сапогами родительской паранойи авторитет. – Кхе! Всем сохранять спокойствие! Все нормально! Ничего страшного не происходит! Просто сквознячок! Замок старый, а что вы хотите! Еще бы! На ремонт никто не скидывался!

– Мерзавка! – завопила толстенькая королева, размахивая руками. – Казнить ее! Немедленно! Выполнять приказ!

– Ай!!! – взвизгнул женский голос, вызывая новую волну паники. Внезапно в воздух стали подниматься короны, заставив меня удивиться еще сильнее.

– Держите! – орал кто-то басом. – Моя корона! Олухи! Хватайте ее!

Какой-то слуга попытался подпрыгнуть, но был тут же отброшен в сторону.

– Мама! Папа! – кричали принцы, хватаясь за головы и

пригибаясь к полу.

Я отчаянно пыталась придать голосу уверенность, гордо вскинув голову. Сквозняк – не сквозняк, мне хорошо. Я в шапочке! Парик грел не хуже ушанки, но и он поднимался вверх! Я попыталась удержать его на голове, паникуя не хуже, чем гости.

– Сейчас мы все выясним, – успокаивала я, чувствуя, как дрожат под мантией коленки и срывается голос в тот момент, когда опасливо поглядывала в темноту. – Главное – сохраняйте спокойствие! Без паники! Это – моя Академия, и я не потерплю такого безобразия! Кто бы это ни был...

– Ыыы! – простонал кто-то, показывая на стену. На черной стене проступали буквы...

«Твоя, говоришь? Это и есть вся твоя благодарность?» – прочитала я, поглядывая по сторонам.

«Отлично! Просто превосходно! Принцы – остаются. Посторонние выметаются! Немедленно!» – появилась новая надпись, а дверь внезапно подалась, выплевывая на улицу груды телохранителей, которые уже таранили ее какой-то статуей. В зал хлынул дневной свет, раздался грохот, словно что-то разбилось...

Я тут же почувствовала себя очень посторонним человеком, эдаким «мимокрокодилом», которому не терпелось покинуть помещение вместе с первой волной эвакуации!

Короли, королевы и их свиты образовали давку в дверях. Что-то упало, прозвенело, послышался крик: «Поднимите

мою корону!» Пока вновь напыленные короны не пролезали в дверь, я пыталась присоединиться к «проводящим». Дверь перед моим носом захлопнулась, чуть не защебив меня.

– Это что еще за шутки? – простонала я, дергая огромные ручки. – Выпустите меня отсюда!

«Добро пожаловать в Академию Прекрасных Принцев!» – гласила зловещая надпись на стене. А потом кто-то подумал и дописал: «Ректор!» А потом еще разочек подумал и исправил: «Ректорша!»

– Прекрати немедленно! Приказываю! – закричала я, и... надписи исчезли.

Свечи стали загораться одна за другой, темнота отступала, а я увидела на полу свой растоптанный парик, какой-то мешочек, чей-то платок и группу перепуганных принцев, забившихся в угол.

– Нда... – негромко заметила мадемуазель Шарман, тяжело вздыхая. – Ой, чувствую, недолго ей осталось! Не понравилась! Зря она так... Ой, зря...

– Рас... располагайтесь. Чувствуйте себя... эм... как дома, – ободряюще выдавила из себя я, поглядывая на обычную стену, украшенную многочисленными портретами. Я прищурилась и прочитала: «Еленвин Нияс. Ректор Академии Прекрасных Принцев», «Канвас Годенвальд. Ректор Академии» Пробежав глазами портреты, уходящие под самый потолок, посмотрев на дрогнувшее пламя свечи, я съе-

жилась, а на пол шлепнулась подушка, исполняющая обязанности лишнего веса.

– А где наши слуги? – возмутились принцы, оглядываясь по сторонам. Лица у них были крайне недовольные. Они постепенно приходили в себя.

– Мне нужны лучшие покои, что есть в Академии! – топнул ногой сорокалетний принц, гордо вскидывая голову. – Самые лучшие! Я – наследный принц Эсвеля! Единственный сын...

– Лучшие покои – мои! – перебил его викинг, глядя на него сверху вниз. – Мои родители обещали мне...

– Я требую, чтобы мне предоставили весь штат слуг! – возмутился кто-то с галерки, пытаясь перекричать любителей комфорта.

– Мне нужна горничная, чтобы следила за моей постелью и прибиралась в моих покоях! Мне нужен дворецкий, который будет следить за моими покоями! Мне нужен личный повар! – гнул пальцы светловолосый ангел лет двадцати трех, одетый с иголки в белоснежный костюм. – Если мне сейчас же не предоставят всех слуг, я с места не сдвинусь!

– Да! – согласились остальные «грызуны», грозно сопя в мою сторону, но при этом сбившись в кучку, как сурикаты. – Где наши слуги?

Время шло, я стояла и тоже ждала слуг. Если сейчас кто-то прибежит, то у меня уже заготовлены имена! Где эти отважные Чип и Дейл? Почему они не спешат на помощь?

– Эм, – поинтересовалась я у преподавательского состава, который смотрел на меня задумчивыми взглядами, а потом переводил взгляды на стену почета. – А почему слуги еще не здесь? Я так понимаю, что принцам они полагаются?

– Какие слуги? – усмехнулась мадемуазель Шарман, махнув рукой. Пока преподаватели расходились, принцы тоже разошлись не на шутку.

– А что мне делать? – спросила я растерявшись.

– Вы – ректор. Это ваши проблемы. Наша забота – преподавать... – слышалось из коридора.

Я осталась одна наедине с принцами, которые продолжали высокомерно смотреть на меня, требуя от меня пятизвездочный отель, шведский стол, блек-джек и девиц легкого поведения в ассортименте.

– Считаю до трех! – не выдержал красивый брюнет, нехорошо улыбаясь. – Раз!

Он прищурился и посмотрел на меня. Я подарила ему улыбку джокера, глядя на свой поплывший марафет.

– Два! – Принц гордо вскинул голову и поднял брови. – Учти, ректорша, я несколько раз не повторяю!

Да, потолок здесь просто отличный! Так детально прорисовали небо... И архитектура здесь ничего так... Да...

– Я сейчас скажу! – предупредили меня, пока все молча с насмешкой ждали, что я впрягусь маленькой лошадкой в их багаж и потащу его в комнаты, превращаясь в полноценную «насильницу». – Хочешь, чтобы тебя казнили, ректор-

ша? Хорошо! Три!

Тадам! В воздухе запахло сомнением. Автор «сомнения» не признавался.

– Нет, это что получается? – перешептывались принцы, глядя на меня так, словно я предложила им отличную картонку под открытым небом. – Да мы с места не сдвинемся!

– Оставайтесь здесь. Чур по углам не гадить, – устало вздохнула я, ужасаясь в очередной раз своему отражению, которое мелькнуло в большом зеркале. Нет, я все равно здесь задерживаться не собираюсь! Еще чего не хватало! Пусть делают что хотят!

Уверенным шагом я двинулась по коридору, выискивая нужную дверь. Через десять минут я ее нашла! Умывшись из тазика, я бросила на стол медальон, пытаясь стянуть с себя ректорскую хламиду, которая зацепилась за волосы, мечтая решить мою проблему с секущимися кончиками очень кардинально.

– Черт возьми! – кряхтела я, пытаясь сложить свои полномочия или на худой конец свернуть их комом. – Да чтоб я... еще раз! Да ни минуты я здесь оставаться не собираюсь! Достали!

В пылу сражения с одеждой я услышала хлопанье крыльев. На пол упала ваза с цветами, стоящая на столе, я мигом натянула хламиду обратно, глядя, как огромный ворон, ловко поддел клювом цепочку и устремился к окну.

– Тварь! – орала я, пытаясь догнать его и закрыть окно

раньше, чем он вылетит. – Верни обратно! Я кому сказала! Петух недощипанный!

Я высунулась по пояс, глядя, как силуэт птицы растворяется в мрачном тумане. Вокруг замка был черный лес, густой и какой-то зловещий. Он простирался на многие километры, упираясь в горный хребет. Среди верхушек деревьев торчала Пизанская башня, подозрительно накренившись, а чуть дальше виднелись какие-то руины. Все это было окутано мглой, производя впечатление добротного ужастика. Ни единого листочка, ни единого цветочка или приличного кустика на горизонте я так и не заметила. Я высунулась еще сильнее, глядя на черные, поросшие плющом замшелые стены замка, который явно арендовали у какого-то темного властелина, исправно внося ежемесячную арендную оплату девственницами. Рядом с моим лицом пролетел кирпич, заставив меня резко податься назад. Окно закрылось, снова заставив меня отшатнуться, а где-то вдалеке послышалось злорадное: «Кар-р-р!»

В дверь постучались, я сглотнула и открыла ее. На пороге стояли крайне перепуганные принцы.

– А можно, мы будем спать с вами? А? – внезапно произнес один, показывая пальцем в сторону коридора. Да, так меня еще не соблазняли!

Глава четвертая

Глубокоуважаемая ректорша

– Учебный процесс идет!

– Куда идет?

– Туда, куда его послали!

Я воровато высунулась из кабинета. В коридоре друг к дружке жалась делегация принцев, опасливо поглядывая по сторонам. Впервые на моей памяти целый табун симпатичных мужиков готов был спать со мной исключительно под угрозой насилия. И даже обидно, что не с моей стороны.

– Отчислите меня, – взвыл один из робкого десятка. Робкий десяток занудил, что идея образования исчерпала себя еще по прибытии и они будут с радостью указывать в нужной графе: «коридор Академии»! А кое-кто из смелых и любопытных, заглянувших в соседние двери, вполне могут добавить «три класса».

– Располагайтесь. – Я сплюнула волосы, осматривая новобранцев, один другого краше. – Комнаты найдете сами... Я работаю...

Я попыталась закрыть дверь, оставив робкий десяток в коридоре, но огромный королевский чемодан помешал мне. В конце коридора из открытой двери раздался громкий смех.

– Ладно, – авторитетно заявила я, понимая, что сейчас

делегирую свои полномочия кому-нибудь, а сама попробую разыскать эту проклятую птицу и выщипать ей все перья!

– Держите! – Мне на руки попытались свалить огромный чемодан с короной. Остальные обрадовались возможности идти налегке вприпрыжку и сложили вокруг меня свои вещи. Я почувствовала себя той самой доброй и отзывчивой девушкой с располагающей внешностью, у которой на лбу жизнь большими буквами написала «караулю вещи», «присматриваю за детьми» и «фотографирую на дорогуший цифровик».

Я решительно переступила через королевский багаж и направилась по коридору. Из приоткрытой двери доносились голоса. Я на цыпочках подкралась к ней и...

– Итак, сколопендра против моли! Я голосую за сколопендру! – тряхнул красивыми кудрями главный казнокрад, подбрасывая золотую монетку. – Я просто не понимаю, при чем тут моль?

Я затаилась, сгорая от любопытства.

– Робер, она всю плешь проест! – лениво отозвался главный отравитель, сидя в кресле и задумчиво листая толстую книгу в старинном переплете и бурча себе под нос: – Настойка волчанки и паслена в пропорции три к одному... Хм... Рвота... Учащенное сердцебиение... Чувство тревоги... Хм... Надо пробовать... До обеда... Отлично!

– По сравнению со мной она – просто бледная моль! – ревниво отозвалась мадемуазель Шарман, припудривая лицо и

наводя алой кистью губы, сложив их куриной попой. – Очаровательна! Великолепна! Передо мной не устоит ни один мужчина!

Ну да, в подъезде увидишь – жильцы ругаться будут, стараясь миновать следы «встречи» как можно скорее и греша на соседскую кошку.

– Кто еще за сколопендру? – осмотрелся по сторонам преподаватель по расхищению монаршей собственности.

– Я! – поднял вверх кинжальчик преподаватель по придворным интригам, развалившись на диване. – Мне кажется, что прямо в яблочко!

Через секунду кинжал вонзился в какой-то унылый натюрморт, пробив насквозь нарисованное грубыми мазками яблоко. Лениво поднявшись с дивана, добрый учитель подошел к картине, выдергивая кинжал и усмехаясь.

– Господа и дама! – внезапно встал с кресла фюрер от этикета, холодно посмотрев на всех так, словно война проиграна, бункер рассекречен, силы противника уже вежливо стучатся в наглухо закрытую дверь с целью уточнить самочувствие великого диктатора. – Как вы можете? Это – ниже нашего преподавательского достоинства!

Я с уважением и признательностью посмотрела на единственного мужика в радиусе километров. Вера в мужиков вылезла из могилы, сплевывая землю и сбрасывая с гранитной плиты ничего не значащие веники цветов.

– Вот вам не стыдно? – сурово произнес преподаватель

по этикету, чье имя я усердно пыталась вспомнить хотя бы в знак благодарности. – Я вас спрашиваю!

Повисла тишина. Если бы такая тишина повисла в музее, то было бы слышно, как кается Мария Магдалина.

– Вам должно быть стыдно за то, что сколопендра уже была! – внезапно улыбнулся фюрер, заложив руки за спину и подходя к окну. – Поэтому я голосую за моль!

– Моль, между прочим, – ночная бабочка! – обиделась куртизанка-партизанка. – А она больше похожа на дневную гусеницу!

– Так, к чему пришли? – осведомилась я, подавая голос и торжественно открывая дверь. – Я – моль или сколопендра? Мне отсюда порхать или ползти? Вопрос очень важный! Если бледная моль, то вам придется скидываться на косметику. Если сколопендра – на обувь. Так что считайте, что вам дешевле выйдет!

– Не обращайтесь внимания, глубокоуважаемый ректор, – улыбнулся интриган. – Мы просто дружно вам завидуем! Еще бы! Такая должность!

– Ах, раз я – ректор, то приказываю, чтобы вы проводили принцев в их покои и нашли мне ту ворону или ворона, которая утащила мой медальон! – Я вскинула голову, чувствуя, как плечи опускаются под тяжестью полномочий.

– Прости, о многоуважаемый ректор, – мило улыбнулся казнокрад. – Но вы немного путаетесь. Понимаю, вы здесь недавно. Так вот, мы – преподаватели! Наша задача научить,

вложить в учеников знания, зажечь в них искру и так далее. А вы – ректор. И ваша задача организовать все остальное. Это – не мы, а вы, о глубокоуважаемый ректор, отвечаете за каждого принца головой!

– А учебный отдел здесь есть? У меня есть заместитель? – поинтересовалась я, прикидывая, что на этих товарищей я торжественно возложу не полномочия, а что-то другое, природой, к сожалению, не выданное.

– О чем это вы? – усмехнулся фюрер, глядя на меня серыми глазами. – Помимо нас и повара здесь никого нет. Подойдите сюда!

Я подошла к окну, глядя на черный лес без единого листочка. Ветер ударил в стекла, лес закрипел, а из чаши взлетела огромная стая черных ворон.

– Мы бы очень рады помочь, – подобострастно заметил интриган, подходя к нам и улыбаясь такой улыбкой, от которой кожа превратилась в муравейник. – Прямо сейчас готовы ринуться на поиски птички и твоей вещички... Покажи пальчиком, какая конкретно птичка унесла? Мы ее накажем!

Все дружно рассмеялись, пока я смотрела на тьму ворон, сумрачный лес, серое небо и горы, чернеющие в полумраке. Ворон было столько, что они сбились в огромную, черную, зловещую тучу-стаю, сделавшую круг почета над замком, а потом ветер стих, птицы покружились над лесом и снова уселись на деревья, хрипло каркая.

– В нашу Академию не так-то просто попасть. Особенно

на работу! Территория Академии не находится под юрисдикцией ни одного из королевств, поэтому... – хрипловато заметил преподаватель по этикету, пока я в голове прокручивала биографию каждого присутствующего, понимая, что трудоустройство превратилось в трудорасстройство. – Так что ваши полномочия не подлежат сложению...

– Зато подлежат вычитанию! Я просто оставляю их здесь, – сладенько заметила я, поглядывая на резной столик из красного дерева. – Мало ли... Вдруг кому пригодятся? Кстати, я тут стульчик слегка нагрела... Никто не хочет меня подсадить? А? Место тепленькое, высокооплачиваемое! Работа – непыльная, легкая. Могу уступить место старшим. Я – девушка вежливая.

Преподаватель по этикету с насмешливой улыбкой попытался галантно поцеловать мою руку, но я выдернула ее.

– Ко мне пристали вы напрасно... Хотя мне, в общем, все равно. Я понимаю, что прекрасна, но вы, как человек... Кто у нас тут дружит с рифмой? Подскажите мне!

Я с улыбкой обернулась, глядя на обалдевший от такой наглости педсостав. На языке вертелось слово, емко подчеркивающее не только их профессиональную, но и обычную ориентацию, но я сдержалась, глядя на них взглядом главного диджея, мол, вы у меня попляшете.

– Покои принцев находятся в Черной Башне, – холодно бросили мне вслед, когда я вознамерилась лично отвести ноющих страдальцев в их апартаменты. – Поворот направо, по-

том налево, потом еще направо, дальше прямо, потом три раза налево...

— За мной! Ректор окажет вам честь и лично отведет вас в ваши покои! — скомандовал великий принцегодец, делая самый авторитетный вид и твердый шаг. Мантия была мне велика, поэтому я периодически подтягивала ее, ведя принцев по коридорам огромного замка.

Сначала все было хорошо. Первый поворот был успешно преодолен, а потом... Мелькали гобелены с какими-то сценами из жизни прекрасного принца. Вот какой-то принц-задохлик на фоне поверженного дракона обнимает красавицу с короной, которая могла победить щуплого змея одной лишь фразой: «Покатай меня!» Видимо, попытки были, раз гад лежит со свернутой шеей и высунутым языком. На следующем гобелене изображался принц, который лезет по отвесной стене в сторону единственного окошка в башне, откуда торчит голова перекошенной от волнения принцессы. На лице принца выражался весь экстаз от процесса: вывалившиеся из орбит глаза, открытый от напряжения рот, тонкие ручки-спички, которые цепляются за кирпич, и ножки-палочки, висящие над бездной. Художник решил не заморачиваться бездной и изобразил заросли крапивы и колючек, так что со всех сторон пахло постелью. И раз принц карабкался, то постель принцессы была предпочтительней.

Полчаса мы блуждали по коридорам, пока я искала верное направление. Налево! Сейчас точно налево, потому что

направо мы уже ходили! Там тупик!

– Мне кажется, мы здесь уже были, – заметил вспотевший златокудрый принц, прищуриваясь на гобелен, где бледный принц склонился над красавицей не первой свежести. Может, при жизни она была свежа, мила, прекрасна, точно так же, как и в момент вышивки, но время и плесень сделали свое дело, поэтому лицо красавицы напоминало сыр дорблю, а радость, отраженная вышивальщиком на лице принца, склоняла меня к неутешительным выводам.

– Я хочу, чтобы в моих покоях была кровать с балдахином и шторами! Как у меня дома! – заметил принц с истекающим сроком годности. – Бархатные алые шторы и золотые кисточки, на которых обязательно есть золотые коронки. Люблю, когда везде золотые короны.

– Ерунда! У меня дома кровать, которая занимает всю комнату! Одна перина чего стоит! Отец отдал за нее кругленькую сумму! – хвастался златокудрый принц. – И золотые гербы, вышитые на простынях! Однажды служанка постелила не гербовые простыни... Если что, завтрак у меня в одиннадцать часов! Запомни, ректорша!

– Мне в полдень должны подавать десерт! – капризно заметил худенький принц с русыми локонами. – Ложечка должна быть золотой! С моим личным гербом! И побольше миндаля!

– А мне в час дня должны принести для умывания воду с лепестками роз! – наседавал на меня еще один любитель пяти-

звездочных отелей. – Нет, мы точно здесь уже были! Я узнаю этот гобелен!

– В первый день вам полагается экскурсия по замку! – рывкнула я, понимая, что экскурсовод из меня так себе. – Чтобы потом не бегали и не спрашивали! Вы должны знать, где что находится!

Не знаю, как насчет «находится», но насчет «теряется» – это точно. Где здесь поворот налево? Бедный Моисей, как же я тебе сочувствую! Манну небесную не обещаю, а вот манку земную – вполне! Ну наконец-то!

– Располагайтесь! – фыркнула я, глядя, как принцы заглядывают в комнаты. Их лица вытягиваются, глаза округляются, а кто-то даже завопил, надо думать, от радости!

– Это что? – ужасались они, глядя на меня так, словно детки-мажоры в стареньком пионерском лагере.

Я заглянула в первую комнату, увидев стандартный набор – койко-место, тумбочка, горшок, шкаф и письменный стол вместе со стулом. Понимаю, не «Артек», но жить можно! Пауки и прочие насекомые – тому доказательство.

– Я немедленно пишу своим родителям, чтобы забрали меня отсюда! – заорал черноволосый принц, глядя на свой тугой чемодан.

– Я тоже! – встрял его златокудрый брат.

Принцы бурлили, негодовали, топали ногами, как туристы, оплатившие пятизвездочную роскошь, а попавшие в ремонт «а-ля бабушка».

– Пишите кипятком, пишите! – великодушно разрешила я, прикидывая по каким числам сюда добирается несчастный почтальон и добирается ли вообще. – Описывайте все в деталях. Не скупитесь на подробности и эпитеты! Только один должен писать быстрее всех. Ему еще сову ловить! Мы привяжем все письма к ее лапе, выбросим ее из окна и будем ждать ответов! Спокойной ночи, малыши!

Несмотря на бурю негодования, протесты и угрозы, я удалилась искать свои покои. Я брела наугад в потемках, понимая, что не мешало бы обзавестись подсвечником.

– Я даю ей неделю! – послышалось язвительное из «учительской». – Максимум две!

– Господа и дама, разве так можно? – возмутился хриловатый голос. – Три дня от силы!

– И сколько у нас продержался самый стойкий? Месяц? У меня подозрение, что кто-то его отравил после того, как ему сделали замечание! – проскрипела мадемуазель Шарман. – Да, Винсент?

– Ни в коем разе! Я сам тогда проспорил! – лениво отозвался голос. – Почти всю зарплату! Две-три недели. Остановлюсь на трех.

– Так, я правильно записал? – послышался хриплый голос. – Три дня, неделя, две и две недели и один день?

Тоже мне, доктора! Ничего-ничего! Я толкнула тяжелую дверь в кабинет ректора, украшенную табличкой. Перед моими глазами предстал мрачный зал, в котором гулко отра-

жалось от стен эхо моих шагов. В центре зала расположился одинокий стол и кресло с короной, не просто нагретое, но еще и протертое многочисленными сидельцами. На столе было пусто, а в массивных шкафах ютились старинные книги. «Полномочия Ректора Академии Прекрасных Принцев» – я вытащила за переплет книгу с золотым тиснением. Судя по количеству страниц, полномочий у меня было хоть отбавляй!

– Ай! – заорала я, когда мне на ногу свалился восьмой том «Полномочий ректора», чуть не раздробив мне пальцы. – Так, что мы имеем?

Я уселась в старое скрипучее кресло, обложившись книгами. Через пять минут я поняла, что не я имею полномочия, а полномочия меня! После первой страницы инструкции стало ясно, что мне должны присвоить орден, после второй – посмертный орден, после третьей – можно смело претендовать на памятник, после четвертой – в золоте в полный рост. «Ректор имеет право контролировать учебный процесс. Он имеет право посещать уроки преподавателей в любое время и без предупреждения. Он имеет право требовать расписание и план урока!» Где-то рядом плясали канкан справедливость, жажда мести и обиженная самооценка, ловко откидывая коленца под задорную мелодию.

Книги встали на полку, а мой взгляд привлек том «Золотые страницы Академии Прекрасных Принцев», который я тут же вытащила, чуть не растеряв половину этих драгоцен-

ных и плесневелых страниц.

«Ректор Игнациус Фелдон. Причина увольнения – пошел на повышение. Залез на башню, а потом осуществил карьерный взлет вниз. Ректор Вэлдор Эверглос. Причина увольнения – переквалификация. Переквалифицировался в ворона и попытался улететь из окна ректорского кабинета. В первый раз – неуспешно. Второй раз – успешно. Ректор Шелдор Картчер. Причина увольнения – удалился (зачеркнуто) удавился от дел. Место удавления до сих пор не выяснено. Ректор Эвидор Эванс. Причина увольнения – по собственному желанию. Наличие предсмертной записки – тому подтверждение!»

Я пыталась найти еще листы, но они были перепутаны, поэтому была найдена только половинка следующего листа, в котором было пара смертей при невыясненных обстоятельствах. Невыясненных – исключительно потому, что лень было выяснять. Еще один ректор сгинул в Заколдованном Лесу. Я читала, читала, лениво перелистывая страницы и зевая, а потом почувствовала, как буквы расплываются...

Бом!

От этого «Бом!» я вздрогнула, подорвалась, как сапер на mine, глядя ошалелыми глазами вокруг. В узкое оконце с решеткой падал дневной свет! «Бом!» – послышалось снова, оглушая меня. Крышка от чернильницы слетела, но сама чернильница не дернулась, ибо была намертво прибита к столу. «Бом!» – звонил какой-то колокол, пока я хваталась

за сердце и пыталась выдохнуть.

– Многоуважаемый ректор... – Дверь открыли, а потом демонстративно в нее постучали. На пороге стояла мадемуазель Шарман, накрашенная так, что у меня в зобу дыхание сперло. – Я прошу обеспечить явку учеников на мой урок, который начнется через час. Будьте так любезны! Обязанности ректора. Параграф шестой.

Я молча открыла книгу, нашла шестой параграф, а потом с гаденькой улыбкой продемонстрировала его. Это был тот самый момент, когда я благословила ту азбуку с веселыми картинками, которую мы дружно проходили в первом классе. «В обязанности ректора не входит явка учеников на урок!»

Я дошла до комнаты, увидела завтрак, оглянулась по сторонам и решила попробовать. Ничего так! Вполне себе неплохо... Вытерев руки об салфетку, я прошла в мой санузел. В комнате что-то прошуршало, я выглянула и увидела, как огромный ворон уронил на стол мое зеркало. На столе лежал мой договор и постановление о назначении меня ректором Академии Прекрасных Принцев. Посреди постановления красовалась огромная птичья какашка!

– Ах ты! – негодовала я, глядя, как автор печати вылетает в открытое настежь окно. Резолюция попала четко на мое имя, заставив меня брезгливо поморщиться. Зеркало пошло трещинами, как и мои мечты о почетной должности.

– Еще раз! – высунулась я по пояс, пытаюсь понять, какая

из ворон выразила свое негодование по поводу моего назначения. Захлопнув окно, зашторив его как следует, я взяла в руки грязное треснутое зеркало, пытаюсь водрузить его на место.

Из коридора слышались отдаленные крики: «А ну быстро одевайтесь! А не то поцелую!»

Ну, все, могу быть спокойна.

Сантехника здесь была не на высоте, но я быстро разобралась. Латунное подобие крана загудело, брызнуло кипятком во все стороны, заставив меня отпрыгнуть. Зеркало я решила выбросить в ведро. Через минуту мне удалось настроить воду и блаженно погрузиться в ванную.

– Я вам сейчас покажу! – орала мадемуазель Шарман. И судя по громким и пронзительным крикам, все-таки показала.

– Уберите! Я вас умоляю! – орал какой-то принц, задыхаясь от ужаса. – Мои глаза! Нет!

– Я просто подтянула платье! Ну выпала! И что? Никаких манер! Арден вам покажет! – скрипела несмазанной телегой мадемуазель Шарман, пока принцы громко и истерично обсуждали увиденные прелести. – Сегодня мы будем учиться обольщать и расколдовывать принцесс, снимать, так сказать, проклятия, так что марш в класс!

Любопытство просто сожрало меня заживо, поэтому, натянув гнусную улыбку, я вышла в коридор. Все двери были закрыты. В коридоре царила тишина.

– Аааааа! – раздался вопль, который подхватил нестройный мужской хор, претендующий на звание королевского исключительно по праву рождения. – Ааааа!

Я подошла к двери, за которой орали принцы, открыла ее и увидела роскошно обставленный класс, мадемуазель Шарман, которая что-то заправляла в декольте, прикрываясь щипаным веером.

– Я имею право посещать уроки, когда мне вздумается! – сладенько заметила я, присаживаясь за парту. – Продолжайте, продолжайте! Кто-то же должен контролировать учебный процесс? Пункт сорок восьмой. Параграф девять.

– Итак, на чем я остановилась? Я – мадемуазель Шарман! Ваш преподаватель по соблазнению и не только... Прекрасный Принц должен... Да что там должен! Просто обязан уметь целоваться! – гордо заметила старуха, искоса поглядывая на меня. – Учтите, как я уже говорила, экзамен вы будете сдавать мне лично!

– Ааааа! Нееет! – заорали принцы, кривясь и морщась. Послышалось тихое: «Мне плохо! Позовите слуг! Умоляю!»

– А теперь представьте, что вашу невесту, за которую дают отличное приданое, заколдовали! – продолжала мадемуазель Шарман. – И расколдует ее поцелуй.

Она причмокнула губами, повергая в ужас впечатлительную галерку. То, что творилось на первых партах среди «отличников», сложно было передать словами. Судя по взглядам, они сдали бы экзамен автоматом с полной обоймой па-

тронов.

– Где наши девочки? Где наши красавицы? – скомандовала старуха, глядя на притихший, а потом слегка оживившийся класс. Еще бы! Девочек! Кто-то даже заулыбался.

На столе появился огромный ушат.

– Выбирайте! Кому какую! Кто побольше любит, кто поменьше. На любой вкус! – Из ушата что-то жалобно заквакало. Прямо неудачное интернет-знакомство.

– Ни один принц сегодня не будет одинок! – кокетливо заметила мадемуазель Шарман, снова поглядывая на меня и подтягивая платье. – А уважаемому ректору – принца. Выберите там какого-нибудь!

Мне на парту шлепнулась большая, густо покрытая бородавками жаба, которая тут же напомнила мне один неудачный опыт свиданий оффлайн. Жабе я не понравилась.

– Уберите! – верещали принцы, шарахаясь от своих «невест».

– А у меня дохлая! – слышалось жалобное с галерки.

– Ничего, ничего, уважаемый вдовец! – кивнула мадемуазель Шарман, обмахиваясь полысевшим веером. – Сейчас вам новую невесту подберем! А что ж мы такие привередливые? Никто не знает, какую принцессу вам подсунут! А наследник будет нужен!

– И как часто это бывает? Я имею в виду заклинания и проклятия? – осведомилась я, глядя, как жаба надулась и отвернулась от меня. Еще бы, жаб мечтал о фотомодели с яс-

ными глазами и губками-вареничками, а тут я. Обычная. У жаба, между прочим, запросы ого-го!

– Постоянно! – ответила мадемуазель Шарман, даря мне нехорошую улыбку. – Правда, расколдовывают не всех! Ну, дорогие мои, пора познакомиться с невестами! Итак, Камилла! Мадлен! Аурика! Держи Аурику! Не видишь, что от тебя невеста сбегает? От хороших мужиков невесты не сбегают! Можете дать им имена. Можете пометить каждый свою! Измены у нас не приветствуются! Я все вижу! Нечего на чужую жену заглядываться! У тебя своя есть! Итак, приступим! Нежно посмотрите на свою красавицу...

Мадемуазель Шарман медленно шла по ряду, проверяя «нежность» во взглядах.

– Я не буду целовать лягушку! – возмутился златокудрый принц, надувая щеки и отодвигая ее подальше.

– Я тоже не собираюсь! – отозвался его темноволосый и угрюмый брат, нехорошо улыбаясь.

– Ваши имена? – прищурилась старуха, резко складывая веер и подходя поближе.

– Фердинанд Скорпиус, – отозвался темноволосый брат, измываясь над невестой.

– Мое имя – Фредерик Скорпиус, – вскинул голову златокудрый принц, пока его брат с омерзением держал за лапку свою «невесту». – И попрошу обращаться ко мне не иначе, как ваше высочество! Я – наследник престола!

Его брат посмотрел кислым взглядом, словно день в коро-

левской семье начинался со слов: «Один из вас двоих, дорогие сыновья, унаследует мой престол. Но не ты, Фердинанд!»

Златокудрый тут же получил веером по лицу, опешил и попытался было возмутиться, но...

– Останетесь после урока! Буду лично тренировать вас! Кто еще хочет остаться после урока? – заметила преподавательница, вынимая из декольте петушиное перо.

Кто-то тут же схватил свою жабу, запечатлел на ней брезгливый поцелуй, а потом стал сплевывать и вытирать губы о плечо. Нда... «Только не в жабу!» – орала бы я, повстречавшись с каким-нибудь пакостливым чародеем, понимая, что надежды нет.

– Может, вы покажете, как правильно? – гаденько заметил русоволосый принц, глядя на преподавателя взглядом заправского подхалима. – Вы же умеете!

Зал затаил дыхание, когда мадемуазель Шарман взяла в руки его жабу и приложилась к ней так, что у меня волосы встали дыбом, а завтрак тут же стал искать запасной план эвакуации из съездившегося желудка.

– Прямо как твоего дедушку в свое время! – сладенько улыбнулась старуха, доставая кисть из декольте и поправляя макияж.

Все, у меня появились срочные и очень неотложные дела! Извините, мне пора! Я очень спешу!

Я вышла из кабинета, отдышавшись и чертыхаясь. Все! Хватит с меня! Хочу домой! К черту эту Академию!

Ноги несли меня по коридору, а через секунду я почувствовала, что лежу лицом в ковровой дорожке. Раздался смех. На стене проступила надпись: «Не ушиблась?» Внезапно я почувствовала, как вокруг меня оборачивается ковровая дорожка. «Скатертью дорога!» – появилось на стене. А потом кто-то подумал и дописал: «...глубокоуважаемая ректорша! Или ты посещаешь все уроки, или мы с тобой не подружимся!»

Глава пятая

Полтергей

*И после смерти мне не обрести покой,
Я душу дьяволу продам под этот вой!*

Я вылезла из ковра, оглядываясь по сторонам. Бросившись к очередной двери, дергая за ручку, я услышала, как она закрывается. Портреты на стенах посмотрели на меня с укором, мол, стучаться нужно! Я дернула ручку, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Гобелены трепетали так, словно кто-то включил невидимый вентилятор. По коридорам слышался зловещий смех. Я метнулась к следующей двери, но и она закрылась перед моим носом, заставив отпрянуть. С застрывшим в горле криком: «Помогите! Кто чем может!» — я бросилась в сторону класса, чувствуя, как мимо меня пролетает ваза редкого фарфора. Но дверь в класс захлопнулась, а оттуда слышался скрипучий голос мадемуазель Шарман: «Ну кто так целуется! Если вы так будете целовать свою будущую невесту, то потом не орите, почему у вас нет наследников!»

— Помо... — простонала я, чувствуя, как невидимая сила зажимает мне рот рукой и смеется мне на ухо. Вырвав-

шись и отдышавшись, я ломанулась по коридору и забежала в первую попавшуюся дверь, запирая ее изнутри. Волосы липли к лицу, в животе вращался комок животного ужаса. Вроде бы все стихло...

– Слышь, ты, полтергей! Призрак нетрадиционной ориентации! – прокашлялась я, чувствуя, как сердце бешено заходится в груди. Вроде бы все стихло. Тело немного расслабилось. Осторожный скрип заставил меня поднять глаза. Стулья стали наклоняться назад, так, словно оседлала невидимая сборная по синхронному качанию на стульях. Волосы на голове зашевелились, а рука стала лихорадочно нащупывать ручку. На старинной доске проступила зловещая и многообещающая надпись: «Я тебе припомню „полтергея“...»

Стулья резко с грохотом встали на место, надпись исчезла, а дверь открылась, заставив меня вывалиться спиной в коридор. Откуда-то сверху, с потолка на меня упала холодная капля. Я стерла ее пальцами, увидев, что они покрыты чем-то липким и красным.

– Позвоните мне завтра! Я вам по почте пришлю резюме, чтобы вы его порвали как следует! – Я двигалась в сторону выхода, затравленно оглядываясь по сторонам. Мой шаг ускорился, я выбежала в зал, слетела по лестнице, бросилась к двери, которая на удивление легко открылась, и очутилась в серой мгле тумана, окутавшего замок. Сквозь туман я видела черные ветки, от которых уклонялась, набирая скорость. Спасибо! Я просто по собственному желанию. Произ-

водственную моральную травму компенсировать не надо!

– Кар-р-р! – слышалось над головой, пока я оглядывалась по сторонам и летела в сторону дремучего леса, вспоминая ориентирование на местности. Лес становился гуще, скрипел ветками, зловеще гудел на ветру. Переведя дух, я оперлась на огромное, обхвата в три, скрюченное дерево. Внезапно дерево зашевелилось, моя рука провалилась в какое-то дупло, которое тут же сомкнулось, скрипя на все лады. Ничего себе!

Я попыталась вытащить руку, но ее крепко держало довольно скрипящее дерево. Mamочки! Мне мстят за яблочки, черешню, вишню и даже за персики! Ветки деревьев вокруг зловеще скрипели, мне показалось, что они подвинулись поближе. Даже какие-то кустики решили отомстить мне не только за малину, но и за редкие походы в них.

Я взвыла, чувствуя пальцами трухлявую кору, а потом мой взгляд зацепило что-то белое на расстоянии вытянутой руки. В высоких зарослях, среди листьев белели чьи-то косточки. На черепушке виднелась облезлая корона. Я бы не удивилась, если бы при входе в его дворец висело бы объявление: «Местному правителю срочно требуется правая рука!» – ибо в единственной уцелевшей левой был зажат ржавый нож. Содрав левой ногой правый ботинок, я потянулась за ножом. Скелет обрушился, но я сумела подцепить пальцами ноги, благословляя предков-обезьян, старый нож с инкрустированной ручкой. Через минуту нож очутился у меня

в руках. Итак, с чего начнем?

– Внимание, уважаемые пеньки, – ядовито заметила я, поддевая кору дерева, которая с легкостью сыпалась мне на ноги. – Татуировочный салон «Анастасия» с радостью сделает вам любую татуировку. «Здесь была Анастасия!», «Са-ша плюс Маша равно сердечко!» и слово из трех букв.

Я снова поддела кору и только стала вырезать первую букву, как меня тут же отпустили.

– Ничего, ничего, – отдышалась я, отряхивая ногу и надевая туфлю. – Собачек на вас нет!

Деревья зашуршали и заскрипели, негодуя. Меня хлестнули ветками по лицу.

– Да чтоб вас термиты сожрали и дятлы задолбали! – ругалась я, продираясь сквозь кусты. Выбраться бы отсюда, выйти к людям. Не думаю, что где-то активно работает завод по производству медальонов перемещения, но не один же он во всем мире? Найдем другой, воспользуемся, и все! Ноги моей больше не будет в Академии!

Внезапно из кустов на меня выскочил полуголый в лохмотьях мужичок ниже меня на две головы. Всклопоченная борода, сумасшедший взгляд круглых, как у филина, глаз, грязь и ветки в голове производили на меня ускорительное впечатление.

– Почему не здороваемся? – сипло орал мужик, корча страшные рожи.

Видимо, он попытался меня догнать, но невежливая я ре-

шила обойтись без церемоний, скатившись по сухой серой листве в овраг. Внезапно подо мной что-то зашевелилось, поднимая меня вверх. Листва, ветки сыпались в разные стороны, я попыталась удержаться, чувствуя, как сердце ушло в пятки. Я схватилась за какой-то камень, изо всех сил цепляясь за него руками, чтобы не слететь вниз.

Стоило слегка подтянуться и отдышаться, сглотнуть, а потом повернуться на странный теплый ветерок, как на меня уставился страшный глаз. Огромная зубастая пасть плотоядно улыбнулась.

– Люблю, когда девочка сверху, – хрипло заметила тварь, скалясь зубастой пастью и расправляя крылья. – Но еще приятней, когда не я в девушке, а девушка во мне!

Мой пронзительный визг спугнул всех ворон в окрестностях. Я слетела кубарем вниз, спотыкаясь и падая, бросилась бежать куда глаза глядят. Лес становился все гуще, в боку колото неимоверно.

– Здраваться не учили? С ректором Акаде... – послышалось сиплое и обиженное, но я мчалась белкой и стрелкой в направлении, известном лишь одному страху.

Я выбежала к какой-то накренившейся набок черной башне, из которой висела какая-то веревка. Пробегая мимо башни, срочно требовавшей капитального ремонта, я споткнулась обо что-то, растянулась на листве, а потом поняла, что на меня сверху что-то падает. На мне лежало обмякшее тело женщины, которое я тут же спихнула с себя, понимая, что

это – страшенькая кукла. Приятно, когда за тобой волочатся мужчины. Неприятно, когда женщины! Я пыталась стряхнуть с ноги жгут пакли, а потом дала деру дальше, задыхаясь от быстрого бега и надеясь, что приключения на этом закончились.

Дверь Академии показалась мне спасительной. Я резко дернула ручку, но она была заперта!

Пытаясь отдышаться и присматриваясь к окнам, я стала барабанить в дверь.

На двери проступили буквы: «Кто там? Кто это к нам пришел такой красивый?»

– Открывай! – процедила я, вытаскивая ветки и листья из волос и сплевывая грязь.

«А волшебное слово?» – снова проступила надпись. Я всегда была уверена, что в мире есть много волшебных слов, кроме «спасибо» и «пожалуйста». Мой бывший начальник был настоящим волшебником, искренне полагавшим, что волшебства слова «спасибо» вполне достаточно, чтобы не платить зарплату. Может быть, в детстве это и были волшебные слова, но жизнь показала, что есть куда более чудодейственные словечки и выражения, не стесняясь которых, можно получить очень ощутимый результат. Пара емких трехэтажных заклинаний открыли мне дверь. Я вошла в гулкий коридор, недовольно сопя и сжимая кулаки.

«Какая же ты молодец! Уже и окрестности посмотрела!» – появилась надпись на стене.

– Если бы я читала все надписи на стенах, то дальше своего подъезда я бы не ушла! – рывкнула я, открывая дверь своих покоев.

Передо мной откуда-то с потолка на пол упала голубая роза.

– Я – ректор, а не уборщица! – огрызнулась я, спеша в ванную и отбрасывая ногой цветок.

«Ах, так? Я ведь по-хорошему хотел!» – появилась злоедающая надпись на стене.

Я сняла мантию, окунулась в горячую воду, блаженно постанывая и чувствуя, как вода щиплет царапины. Алле? Это отдел из жизни привидений? У меня тут есть привидение, которое не снилось вам в самом страшном сне!

Я погрузилась в воду с головой, играя в Офелию. Но пока что получалась отличная Муму, сплевывающая воду и пытающаяся отлепить мокрые волосы от лица.

«Чтобы дух от вас отвязался – просто не обращайтесь на него внимания!» – промелькнула фраза из какой-то документалки. «Привидения – это сгустки энергии, которые питаются вашим страхом! Если вы не будете бояться их, перестанете обращать на них внимание, они поймут, что вас пугать бессмысленно!»

Нет, это – действительно здравая мысль! Того и гляди – отстанет. Главное, потерпеть первое время и просто не обращать на него внимания!

На стенах появлялись какие-то надписи, но я мурлыкала

себе под нос какую-то заунывную мелодию, смывая грязь с ноги.

«Я кому это все пишу???» – появилось на противоположной стене, а я тут же сделала вид, что продала азбуку с красивыми картинками за пять золотых монет, которые закопала на Поле Чудес вместе со своими надеждами выбраться отсюда.

«Значит, ты меня решила игнорировать???» – появилось во всю стену. Я продолжила мурлыкать песенку, вынимая колючку из пятки.

«Ладно!» – проступила надпись во всю стену. Может, я и близорукая, но дальновидная! Пусть делает что хочет! Побесится – перестает...

Невидимая сила подняла меня вместе с водой, заставив вздрогнуть от ужаса. Вода упала в ванну, обдавая брызгами стены и пол. Просто не обращать внима...

Такое чувство, словно меня держали на весу невидимые руки.

– Ух ты! Я умею летать! – заметила я, глядя в слегка запотевшее зеркало.

«Спроси куда?» – появилась надпись на зеркале. Меня подбросило к потолку, и я поняла, что законы физики очень хотят для меня третью группу инвалидности.

Перед самым полом меня поймали, а потом на меня напали мантию, причем задом наперед, дверь сама по себе открылась, а меня вытащили в кабинет, бросив в ректорское

кресло.

«Давай, красавица, вспоминай буквы!» – появилась надпись на стене. Я делала вид, что разучилась читать, зевая и рассматривая свои ногти.

«Хорошо! Будем учить их заново!» – появилась надпись на стене и тут же померкла. Передо мной на стол упало несколько папок.

«А! Ах, какой из тебя плохой ректор!» – застыла на стене надпись. Я тоже не видела, чтобы у меня висели дипломы за особые заслуги на образовательном поприще.

Открытое окно с треском захлопнулось. «Б! Бежать у тебя не получится!» – мелькнуло на стене. Дверь захлопнулась так, словно кого-то пристрелили. «В! Выхода у тебя нет!» – проступила надпись, пока я мысленно дошла до буквы «х». «Я кому сказал! Слушай меня внимательно!»

– Решил сократить алфавит? – съехидничала я, понимая, что он и мертвого поднимет. Уронит, а потом снова поднимет! Прямо представляю, как покойники встают из могил, собирают венки и памятники, берут лопаты и, чертыхаясь, бредут копать себе могилы в другом месте.

«Молодец! Не думал, что мы так быстро вспомним весь алфавит!» – прочитала я, чувствуя, как меня вместе со стулом придвигает к столу.

Перо, которое валялось рядом с чернильницей, внезапно поднялось в воздух, обмакнулось и стало писать на бумаге летящим бисерным почерком какой-то список. Перо скри-

пело, словно им выводила невидимая рука. Первый лист подошел к концу, потом второй лист, потом третий. Я терпеливо ждала, пока он допишет свою рукопись, чтобы обрадовать его как следует!

«Все понятно? – появилась надпись на стене. – Это твое задание на завтра!»

– Это какая буква? – уточнила я, присматриваясь к листочку. «С» – появилась надпись на стене.

– Отлично! Теперь все понятно! Переходим ко второй букве! – впервые я горела желанием работать.

«Это – кошмар какой-то!» – проступила на стене надпись.

– Я просто очень сильно хочу подружиться, – с надеждой заметила я, коварно улыбаясь. – У меня никогда не было говорящей недвижимости!

«Что??? Какой недвижимости?» – проступило на стене. Нет, сейчас кто-то явно возвращается в гробу. Осталось узнать, по часовой или против часовой!

– В бархатной коробочке! – сообщила я с улыбкой. – Слушай, потусторонняя «сучность», тебе что? Внимания родственников не хватает? Нет, ну хочешь, я тебе на могилку цветочки отнесу?

«Правила нашей дружбы!

1. Следить за каждым принцем и преподавателем. Посещать все лекции и практикумы.

2. О любых странностях докладывать мне», – появилось на стене.

Потом кто-то подумал и дописал:

«Помимо этого: переписка с родителями, организация вечеров для принцев, вечерний обход комнат и т. д. и т. п.».

– А можно я начну с «т. д.» и «т. п.»? – устало заметила я, проходя в комнату и видя свой ужин. – Тупо доем и тупо посплю? Поверь мне, я отлично справлюсь! Можешь на меня рассчитывать! У меня есть опыт в этом, причем приличный! Могу показать рекомендации родителей, воспитателей детского сада, работников школьной столовой и даже коменданта студенческого общежития. В этом деле я – профессионал!

«Если будешь выполнять мои поручения, то я смогу вернуть тебя туда, откуда ты появилась! Так „да“ или „нет“?» – появилось на стене.

Да, так деликатно меня еще никто не посылал в то самое место, откуда в двадцать с большим хвостиком появилась моя голова под крики акушерки: «Тужься!»

«У тебя со зрением плохо?» – проступила надпись крупными буквами.

– Ты прав, со зрением у меня проблемы, – согласилась я, вытирая руки об салфетку. – Один глаз почти не видит, а другим в гробу тебя видала с твоим предложением!

И он отстал! Невероятно! Никаких надписей, тишина, спокойствие. Я решила отдохнуть, пользуясь возможностью, залезая под одеяло и удивляясь в очередной раз мягкости подушки.

Стоило мне задремать и согреться под одеялом, как вдруг оно начало подниматься, впуская холодок.

– Эй! Я не готова к постельным отношениям! – сонно возмутилась я, пытаюсь вернуть его на место.

«Ну почему же нашим отношениям не перейти на новый увлекательный уровень?» – проступило на стене.

Никогда не думала, что «одеяло убежало, улетела простыня, и подушка, как лягушка, ускакала от меня» – это начало серьезных отношений. Причем настолько серьезных, что я жалела о том, что кто-то успел задушить, заколоть или отравить одну неоднозначную личность еще до моего появления! Я искренне завидовала этому человеку!

– Подушку отдай! – возмущалась я, пытаюсь поймать подушку, которая поднималась в воздух вместе с простыней и одеялом.

«Раз уж дело дошло до постели, хочешь постонать?» – проступило на стене, вызывая у меня негодование.

И тут одеяло обернулось вокруг меня, пока я отчаянно вырывалась. Из подушки появилось перо, которое стало приближаться к моей пятке.

– Нет! – задергалась я, пытаюсь уползти. Ничего, как выскочу, как выпорхну злобной «ибабочкой»!

Я стонала, кусала губы, кряхтела и орала, пока перо щекотало мне пятку.

«Мне кажется, что в наших отношениях не все так гадко! – проступило на стене. – Вставай! Тебе еще на письма

родителей отвечать!»

Я клятвенно пообещала, что встану с утра пораньше, отвечу на все письма, но меня тут же вытащили из постели поставив на ноги, и мне ничего не осталось делать, как покоюлять в свой кабинет, недовольно сопя. Открыв смежную дверь, я уселась в кресло, нахохлившись, как воробей, а мне на стол шлепнулась пачка красивых писем с гербовыми печатями в виде корон.

«Уважаемый ректор Академии! Мы требуем, чтобы нашему сыну Брендону были предоставлены лучшие покои, которые есть в Академии! Его должны обслуживать за столом как наследника престола! Качество еды должно соответствовать королевской кухне! Помните, наш мальчик любит, когда в его тарелке разложено по цвету!»

— Кстати, — зевнула я, глядя на часы и с тоской раскрывая остальные письма. «И чтобы салфетки были с нашим гербом!», «Чтобы ему на десерт подавали взбитые сливки!», «Чтобы к нему были приставлены лучшие слуги!», «Пьют ли сыновья прописанные лекарями отвары?» В конце каждого письма все родители требовали отчитаться о том, как их дражайший сыночек устроился на новом месте и наказан ли тот, кто учинил «безобразие»!

Я дочитала письма до конца, взяла листочек бумаги и написала шаблон, душераздирающе зевая и понимая, что дико хочу спать. Опыта «челобитных» у меня не было, поэтому,

набравшись пафоса, я решила не баловать венценосных родителей индивидуальным подходом, а просто отправить очередную порцию спама по единому шаблону, который усиленно составляла, пожевывая перо. Послание должно быть коротеньким, но сладеньким и пафосным.

«Уважаемый Каквастамович и Каквастамовна! С проблемой мы разобрались. Утверждаю, что понес заслуженное наказание. Ваш дражайший сын поживает в своих покоях. Он собьется со счета, сколько замечательных дней ему предстоит провести в нашей Академии. Он исправно пьет отвары. А мы, в свою очередь, стараемся всеми силами обеспечить индивидуальный подход! Так что можете спать спокойно! С уважением, ректор Академии, Анастасия».

Я перечитала письмо, молча взяла чистый лист и стала переписывать его с именами родителей. Я старалась, выводила каждую букву, отчаянно зевая и мечтая, чтобы здесь поскорее изобрели принтер. Но до принтера здесь было далеко, поэтому на третьем письме я поняла, что засыпаю. Письма все никак не заканчивались, я уже лежала головой на столе, вяло водя пером по бумаге и оставляя жирные кляксы.

– Все! – выдохнула я, глядя, как передо мной появились конверты. – Можно отправлять! Ты как хочешь, а я – спать! И попробуй только... Я тебя предупредила!

Письма были запечатаны, а я поплелась в комнату, бессиленно рухнув лицом в подушку.

С меня стягивали одеяло, но я намертво вцепилась в него, предварительно укутавшись как следует. Из-под меня вырывали подушку, но я держала ее мертвой хваткой. Я подняла голову, глядя, что на улице едва забрезжил рассвет.

На полу рядом с кроватью лежала грудa писем! Ничего себе, как быстро работает местная почта! Не благодарите, дорогие родители, я и так делаю все что могу!

Я лениво достала первое письмо, распечатала его и...

«Да как вы смеете!!! Что вы сделали с нашим сыном! Понос – это заслуженное наказание. Вас казнить за это мало! Почему наш сын дрожит? И почему он в помоях? Да как вы смеете так обращаться с наследником!»

Какой понос? О чем это вы? Что не так?

«Мы знали, что он сопьется в вашей Академии! Почему он дрожит? Как вы посмели вылить на него помой! Это неслыханная дерзость, за которую вам предстоит ответить!»

Я бросилась к столу, доставая все испорченные черновики. «Уважаемые родители! С проблемой мы разобрались. Утверждаю, что понос заслуженное наказание. Ваш дрожащий сын поживает в своих помоях. Он сопьется со счету, сколько замечательных дней ему предстоит провести в нашей Академии. Он исправно пьет отравы. А мы, в свою очередь, стараемся всеми силами обеспечить индивидуальный подход! Так что можете спать спокойно! С уважением, ректор Академии, Анастасия».

«Молодец!» – проступила надпись на стене и тут же померкла.

В дверь постучали, я сжалась в кресле, глядя на брошенное поверх черновиков перо и кляксы на столе.

– Можно войти? – послышался мужской голос, а потом кто-то надрывно прокашлялся. – Я, конечно, извиняюсь, что в такую рань... Я – повар Академии.

На пороге стоял сгорбленный старичок с длинными седыми волосами, в грязном фартуке.

– Я, конечно, дико извиняюсь, многоуважаемый ректор, – старик отвесил поклон, – но принцы объявили голодный бунт... Они выбросили все, что я готовил, из окна и требуют королевскую еду! Они сказали, что «лучше подохнут с голоду, чем будут есть эту дрянь!».

По щеке непризнанного гения кулинарии потекла скупая слеза.

– Вразумите их! Помрут ведь с голоду! – вздохнул старик. – Я ведь стараюсь, стараюсь! Раньше, когда у меня был трактир «Дохлая крыса», никто не жаловался! Ели аж за обе щеки! Я-то трактирщик... Толк в еде знаю! Каша с грибами, пирожки с мозгами, кишки коровьи, начиненные фасолью, ворона на вертеле, как вам, например. Между прочим, это – мое... кхе-кхе... коронное блюдо. Все нахваливали. Говорили, что прямо как курица. Но курица – дорого выходит... Так как вам мое блюдо?

– А нормальные продукты есть? – сглотнула я, понимая,

что подавлять рефлексy и бунт – дело неблагоприятное.

– Откуда? – пожал плечами обиженный повар. – Тут и ворону поймать – целая наука! Хитрющие стали, хоть убей...

«А может быть, ворона?.. Кар-кар-кар... А может быть, собака? Гав-гав-гав... А может быть, корова?» – звенела в голове детская песенка. «Но тоже хороша!» – вздрогнул желудок. Что-то мне подсказывает, что прямо сейчас на одного призрака в Академии станет больше!

Глава шестая

Ущемленное королевское достоинство

*Уронил принцессу на пол,
Оторвал принцессе лапу,
Все равно жениться мне,
Ведь иначе быть войне!*

– Вы дверь закрыли? – проскрипела Шарман, сидя в кресле. Ее руки нервно теребили веер и обтрепанное кружево юбки.

– Боишься, что опять надует? – съязвил Лючио, ослепительно улыбаясь обаятельной улыбкой мерзавца.

– В прошлый раз мне чесотку надуло! Месяц мучилась! Сидеть невозможно! А потом вот такая болямба вскочила! Сижу, как говорится, хоть панталоны снимай! Все болезни от сквозняка! – скрипела Шарман, одергивая декольте. – А в замке их столько... Вот и просквозило!

– Раньше ты говорила, что все от нервов! – послышался хриплый голос Ардена, который брезгливо отодвинулся подальше.

– И от нервов тоже! Перенервничала на свидании! Еще

бы! Незнакомец! Как тут не понервничает? – живо согласилась Шарман, обмахиваясь петухом. – И не смотрите на меня так! У меня, между прочим, есть личная жизнь! Я еще достаточно молода и красива, чтобы пользоваться успехом у мужчин!

– Нет своего – пользуйся чужим! Держи мой успех! Вернешь в целости и сохранности! – рассмеялся Робер, улыбаясь нехорошей улыбкой, протягивая руку, а потом тут же убирая. – Ручку целовать не буду, а то потом долго лечиться от сквознячков!

– Я тут замужество планирую! Даже платье выбрала! Не все же мне в девках ходить? – усмехнулась Шарман, приклеивая обратно отпавшую мушку.

– Да, такой красавице недолго в девках ходить осталось. – Винсент зевнул, листая книгу. – Многоуважаемая мошь, будь так любезна передать эстафету червякам!

– Да как ты смеешь напоминать даме о возрасте! Мне всегда шестнадцать! У меня никогда от поклонников отбоя не было! – возмутилась мадемуазель Шарман, замахиваясь на него веером.

– Отбоя от покойников у тебя точно не будет! – смеялся бледный нездоровой бледностью Винсент, прикрываясь книгой.

– А ну скажи, что я все еще вне конкуренции! – бушевала Шарман, пока в разные стороны летели перья.

– Конечно. Твоя конкуренция уже давно остепенилась, –

язвительно заметил Лючио, закатывая глаза и уворачиваясь от ударов. – И сменила адресочек на постоянный. Зато есть большой плюс! Мужчины носили их на руках, а теперь ходят с цветами!

– Любви все возрасты покойны! – смеялся Робер, хватая Шарман за веер и протягивая ей что-то черное на кончике пальца. – Забери своего таракана!

– Это – мушка! – заскрипела груженной телегой, подозрительно прищуриваясь на чужой палец, Шарман. – Ой! Опять ошиблась! Неужто снова в шкатулку с мушками заполз?

Мушка слегка зашевелилась, как бы намекая на последний писк моды.

– Прямо как раздетая, – причитала Шарман, ощупывая место, где до этого красовалось волосатое черное пятно.

– Успокоились? Кто сейчас не успокоится – преждевременно упокоится! – Черные клубы тьмы отмечали каждый мой шаг. Моя рука в черной перчатке еще не до конца впитала в себя тени. Я сжал кулак, вспоминая прежнее ощущение. Глубокий вдох... Воздуха нет, но грудь по привычке вздымается. Я взял свою руку, чувствуя прикосновение. Да, вроде до конца. Черный бархат, белые манжеты из кружева. Рука на сердце. Тишина. Ненавижу этот момент.

– Хозяин! – послышалось со всех сторон, пока я проводил большим пальцем руки по ладони. Ко мне тут же услужливо пододвинули черное кресло. Винсент принес столик, на котором стояла ваза с цветами. Голубые розы?

– Мессир! – Мадемуазель Шарман тут же стала обмахиваться остатками веера. – Я так понимаю, что вы сегодня не в духах?

– Хорошо, что вы уловили запах плохих новостей, – отзывается я, падая в свое кресло.

«Плохих новостей? Да у нас все хорошо!» – кудахтали преподаватели. «Все просто замечательно! Вот только... Но вы не подумайте! Я не виноват! Это все они! Я убеждал! Говорил!» – доказывал Робер, показывая на других. «Сам же предложил назначить ее ректоршей! А теперь сваливаешь!..» – возмущалась Шарман. «Мне вообще было все равно! Я сказал, решайте что хотите!» – качал головой Винсент. «Давайте поддержку вашу перчатку! Хозяин, это будет честь для меня!» – Лючио учтиво протянул раскрытую ладонь. Перчатка упала на его протянутую ладонь.

Я поднял на них глаза, а они умолкли, опустив головы. Я чувствовал пальцами гладкий холод резного подлокотника, мои пальцы скользнули по столу, с которого тут же стали учтиво вытирать пыль. Робер протирал его рукавом, пока остальные смотрели на меня, не смея ничего сказать. Цветы... Непривычно прикасаться к чему-то. Прохладные гладкие лепестки, упругие бутоны. Я вытащил розу, перевернув вазу.

– Не переживайте! Сейчас все поднимем! – Мадемуазель Шарман принялась вытирать подолом воду.

– Главное... – заметил голос Робера, пока я чувствовал

пальцами острые шипы. Интересно, пойдет ли кровь? – Главное – не переживайте! Не принимайте близко к сердцу!

– Оно уже давно обратилось в прах, поэтому я видал ваши оправдания в том месте, где оно лежит! – Я сжимаю стебель розы, чувствуя призрачную боль. Не могу понять, это – боль или память о ней?

– Вас что-то мучает? – учтиво заметил Арден. – Может, вина?

Интересно, это боль или просто память? Боль или память о боли?

– Спасибо, что напомнил. Я как раз хотел поговорить о вине. О вашей вине. – Лепестки мялись в моей руке, падая на колени. – Итак, у вас есть время объясниться.

Я оборвал один лепесток и бросил его на землю, глядя на побледневших преподавателей. Второй лепесток полетел следом.

– Я говорил, чтобы взяли того, немного! – как-то глухо заметил Лючио. – Говорил? Кто меня послушал! Это все Шарман! Она настаивала!

Третий лепесток. Время идет.

– Мало ли что я могла сказать? Я однажды сказала одному красавчику, что хочу звезду с неба! Он ушел и не вернулся! – закричала старуха, воинственно размахивая лысым опахалом. – Видимо, до сих пор выбирает! Еще бы! Я требовала самую красивую!

Четвертый и пятый лепестки летят на пол.

– Что-то вы сегодня жестоки, как работа с утра, – осторожно заметил Робер, опутив глаза.

– А хотите, чтобы я был ласков, как отпуск? – усмехнулся я, глядя на преподавателей. – Ну что ж. Я жду... Вы прекрасно знаете, что я имею в виду...

Шестой, седьмой, восьмой. Роза теряла лепестки, а я – терпение.

– Мессир, мы просто подумали, что хватит с нас ставленников! А то что ни ректор, то чей-то шпион! – осторожно заметил Лючио, отложив кинжал. – Поэтому я голосовал за то, чтобы ректором был кто-то со стороны... Причем из далекой... Но я не прочь ее заколоть, если вы прикажете!

Девятый, десятый лепесток летели на пол... Одиннадцатый упал на носок моего сапога.

– Родительское золотишко на дороге не валяется! Желающих, как обычно, много, причем все как один «случайные», – негромко перебил Робер. – Мы подумали, что так будет лучше!

– Я согласилась на... ректоршу, чтобы не отвлекаться от учебного процесса! – прикрылась веером Шарман. – Понимаю, что я – сногшибательная женщина, и мужчины падают к моим ногам. Но когда в последний раз к моим ногам с вершины башни Королевы упал этот... как его... не помню... я решила, что пусть лучше ректором будет женщина. Она сможет устоять перед моими чарами...

Двенадцатый, тринадцатый. В руках оставался бутон.

– Я согласился исключительно потому, что времени искать кого-то у нас не было. Решение далось нелегко... Я до последнего... – вздохнул Арден, гордо вскинув голову.

– Мне вообще было плевать! Я подумал, что отравить всегда успею, – пожал плечами Винсент. – Тут дел на пять минут!

Отравить? Мягко сказано. Заколоть? Слишком гуманно.

– Все с вами понятно. – На пол падают последние лепестки, а следом – сломанный стебель. Что-то меня тревожит ректорша. «Я сейчас все решу!» – как-то подозрительно радостно заявила она и затаилась.

– В тринадцатый год, тринадцать кровей, одна из которых – ключ от дверей. – Я встал с кресла. – Следите за принцами. Не спускайте с них глаз. Это приказ. Марш готовиться к урокам!

Меня пугает эта подозрительная тишина. Что она там делает?

Последнее письмо было дописано и запечатано. Двенадцать конвертов лежало на столе, а я с коварной улыбкой смотрела в окно на стаю ворон, понимая, что план, придуманный еще моим классным руководителем, никогда не давал сбой.

Стоило мне уйти в свои покои, чтобы переодеться и расчесаться, как вдруг перед глазами мелькнула надпись: «Начну издалика. Что такое пластилин?»

– Пластилин – это очень нужная вещь, – уклончиво заметила я, поглядывая сквозь открытую дверь на разорванное письмо, лежащее на столе. – Я бы даже сказала – основополагающая!

«Хорошо! Подойдем к вопросу ближе. Что такое плазма?» – проступило на стене.

– Эм... Это тоже очень нужная вещь, – снова уклончиво заметила я, поглядывая на часы. Кажется, плазмOID у меня есть, а вот плазмы нет. Непорядок! – Без нее никак... Престиж! Тем более они все равно не знают, что это такое! Так что не беспокойся!

«А теперь мы подошли почти вплотную к вопросу! Кто разрешал тебе собирать деньги за шторы, штукатурку, пластилин, пластиковые окна и плазму?» – проступило на стене. «Я правильно перечислил?» – появилось чуть ниже.

– Нужда! Большая и маленькая! – огрызнулась я, понимая, что мой неблагородный, но практичный порыв не оценили. – Пусть скидываются! Хотят, чтобы дети тут жили как принцы, – пусть раскошеляются!

В меня прилетела подушка, чуть не сбив с ног.

«Еще раз я узнаю, что ты просишь деньги...» – появилось на стене.

– Ты что творишь, призрак онанизма! – взбесилась я, хватая подушку и швыряя в стену. – Я не прошу! Я требую! На вполне законных основаниях! Ты замок видел? Тут штукатурка на голову сыпется! Можно ходить и всех поздрав-

лять с первым снегом! А шторы? Мошь передает ее по наследству! «Слушай, малыш! Эту дырку еще твой прапрапрадед сделал!»

«Быстро на урок! Иначе я тебя прикончу!» – прочитала я на стене.

– Послушай, призрак голодной смерти! – возмутилась я, глядя, как по зеркалу пошли трещины, а мазня в золотых рамах, которая тщетно пыталась украсить мои покои, с треском рухнула вниз, заставив отскочить. – Тебе-то все равно! Ты все равнодохлый! Понимаю, что ты лежишь в своем склепе, сложив ручки на груди, но нам тоже хочется кушать!

«Считаю до трех! Раз, два, три», – проступило на стене, а позади меня разбилась огромная ваза и пошли трещинами оконные стекла.

– Я сразу поняла, что с арифметикой у тебя проблемы. Ничего, после трех идет четыре, а потом пять! Ты, главное не расстраивайся, узнав, что там еще есть цифры, – вздохнула я, зевая и поглядывая в окно. Стая ворон клубилась над Заколдованным Лесом, пронзительно каркая. Вы как хотите, но я больше туда ни ногой!

«А ну быстро на урок! Я три раза повторять не буду!» – проступило на стене, а я мысленно требовала заменить слово «покойник» словом «беспокойник»!

– Повторенье, – зевнула я, глядя на свое отражение в разбитом зеркале, – мать ученья!

Меня вытолкнуло из кабинета, а дверь с треском закры-

лась. Я подергала бронзовую ручку, но все тщетно.

– Прими запоздалое пожелание: «Чтоб ты сдох!» – нахмурилась я, нехотя идя на голоса принцев. – Мало того что всю ночь спать не давал, так еще и...

Сонные принцы столпились табуном в коридоре. У одного рубашка была застегнута наперекосяк, у другого штаны наизнанку, третий наступал на развязанные шнурки шнурованных сапог, четвертый смотрел на меня несчастными глазами, как смотрят жертвы на последнего инквизитора.

Дверь открылась, и в зал твердой походкой вошел златокудрый красавец ростом под два метра. Косая сажень в плечах заставила меня заинтересоваться и даже поправить неловким движением прическу. На красавце были серая куртка со шнуровкой, темные штаны и высокие сапоги. А взгляд зеленых глаз заставил меня поймать себя на мысли, что мне начинает нравиться ходить на уроки.

– За мной, – коротко отрезал красавец, а принцы гуськом вышли из Академии. Я поспешила следом, приподнимая мантию, чтобы не споткнуться об нее и не упасть. Внезапно мне на голову упало что-то болючее, а потом шлепнулось дохлой вороной на пол. «Журнал королевских оценок» – гласило золотое тиснение, а я чудом умудрилась поймать чернильницу и выронить перо.

«Тоже мне, ректорша! Смотреть на принцев и преподавателей и смотреть за принцами и преподавателями – это две совершенно разные и взаимоисключающие вещи!» – просту-

пило на стене, а меня вытолкнуло за дверь Академии.

Мы двигались в сторону леса, вызывая у меня горячее желание не отставать.

– Главное, не волнуйтесь. Не бойтесь отстать, – мрачно бросил красавец-преподаватель, поворачиваясь к растянувшимся шеренгой принцам в тот момент, когда мы вышли на полянку. – Тех, кто отстанет...

Русоволосый худощавый принц заинтересовался деревом, а дерево, судя по радостным скрипам, заинтересовалось принцем. «Ай!» – слышалось после того, как он споткнулся о корни, а дерево оплело его корнями и поволокло в себя, разевая трухлявое дупло.

– Тех, кто отстанет, я доем завтра! Думаю, что до завтра и моего завтрака вы неплохо сохранитесь! – Красавец показал ряд белоснежных острейших зубов. – Я бы даже сказал, еще тепленькими!

– Помогите! – верещал принц, которого дерево всосало в себя до половины, пока в толпе принцев раздались смешки. – Спасите! Спасите! Я наследник престола! Я приказы...

– Я вот пытаюсь понять, ты у нас ногами или мозгами отстаешь? Я кому сказал! – Красавец усмехнулся, и через секунду на его месте сидел огромный дракон. Я схватилась за сердце, понимая, что обделаться легким испугом суждено не только принцам, часть из которых просто сели на землю от неожиданности. Я и сама была бы не прочь присесть, но подходящих кустиков не видела.

– Отпусти идиота! – рявкнул дракон, полыхая пламенем в сторону верхушки, сжигая дотла ветки. Взъерошенного принца тут же выплюнуло на траву.

– Ну что, многоуважаемые принцы, – послышался голос дракона, пока я делала пару шагов назад. – Меня зовут Элберт. И сегодняшний урок начнем с пробежки. Люблю пробежку перед завтраком! Учтите, кто не сдаст экзамен мне лично, того мне разрешено съесть.

Он полыхнул огнем, оставляя выжженную полосу травы и кустов перед принцами.

– Мама! – заверещал кто-то из принцев. Послышался глухой удар об землю.

Стена пламени стала медленно гаснуть, а перед моим взглядом предстала идиллическая картина. Шесть принцев валялись на земле, не подавая признаков жизни. Один сидел на корточках, причитая, что его только что убили, сожгли, зарезали, в целом покусились на его драгоценную тушку, оставив королевство без наследника. Еще один трясся, отползая с квадратными глазами. Третий прикрыл лицо, рыдая. Четвертый спрятался за дерево. Но даже отсюда было видно, как дрожат его колени. Пятый и шестой стояли, как суслики, выпучив глаза и конвульсивно вздрагивая.

– Ой, не доживете вы до экзамена, – вздохнул преподаватель, кашляя огнем. Чувствую, что тоже не посижу в комиссии. Мантия насквозь пропиталась холодным и липким потом. Дракон снова обернулся человеком.

– Это все потому, что вы нам мечи не выдали! – надменно заметил кудрявый брюнет с красивым профилем и синими глазами, отряхиваясь и пытаясь вернуть себе прежний горделивый вид. – Вот были бы у нас мечи, мы бы не церемонились! Принц Арьеса Феордан никогда не бежит с поля боя!

– Еще бы! Трупы не бегают, – усмехнулся добрый учитель, раздавая пинки, лежащим принцам. Те вставали, стояли, с опаской глядя на дракона. – Поднимите руку, которой вы хоть раз держали меч! Живо!

Лес рук. Некоторые даже расправили плечи, глядя на других.

– Отлично. Мечи и щиты под деревом! Разбирайте! – хмуро заметил Элберт, покашливая и отворачиваясь.

Принцы бросились к оружейному складу, выхватывая оружие. Все сразу как-то приосанились. «Да я с детства меч из рук не выпускал!» – усмехался полудохлый платиновый блондин, выбирая самый огромный меч. «Я вырос в седле с мечом в руках!» – усмехался шатен, воинственно размахивая своим оружием. «Да разве это – меч?» – со знанием дела фыркнул рыжий принц, чуть не выронив его из рук. «Смотрите, что я умею! Смотрите и учитесь у Брендона! Трепещите!» – высокомерно заметил subtilный парень, пытаясь сделать замах. И получилось очень эффектно! Я бы даже сказала, что чересчур! Меч отлетел в дерево и застрял в гостеприимно распахнутом дупле. Местный претендент на славу короля Артура попытался его вытянуть, но дерево меч не от-

пускало. Принц упирался ногами, но подлое дерево выждало и выплюнуло меч вместе с отлетевшим на землю принцем, который тут же превратил поле боя в поле воя!

– Родили вас тоже в седле, когда растрясло! – рявкнул дракон, а вытье быстро прекратилось. – Быстрее! Не для портрета выбираете!

Сорокалетний принц гордо вскинул голову и устало оперся на меч, словно только что мелко порубил врагов на салатик. Златокудрый принц сделал пару пафосных взмахов, однобоко улыбаясь. Темноволосый брат взвешивал меч на руке. Кто-то героически поднял меч, словно ведя за собой армию.

Я и не заметила, как дракон снова обернулся огромным ящером.

– Вторая попытка, – произнес он, обдавая огнем все вокруг. Визги, вопли и крики пронзили тишину мертвого леса. Послышалось бряцанье оружия, и началась паника. Огонь погас, оружие валялось на земле. Только трое сжимали мечи дрожащими руками. Один меч вывалился из руки, бряцая о брошенный кем-то щит.

– О! Трое получают дэ-балл. Остальные – по е-баллу, – хмыкнул дракон.

– Я истекаю кровью! Я умираю! Лекаря! Срочно лекаря! – выл воинственный брюнэт Феордан, глядя на порез на ладони и всхлипывая.

– По чему получают? – живо поинтересовалась я, подходя

к дракону. Тот молча развернул журнал. Я уткнулась взглядом. «Постановлением достопочтенных родителей принимается система оценки знаний, которая соответствует чести и достоинству особы королевских кровей, щадит детскую душу, оберегая от ранних переживаний! Высший балл – „Ах, вы просто великолепны!“»

Далее следовали: «Безукоризненно, но не мешало бы немного постараться!», «Ваше высочество, вы должны еще немного позаниматься, чтобы улучшить результат!», «Главное, не расстраивайтесь. Немного тренировок вам не повредит!», «Давайте вы еще немного позанимаетесь, ваше высочество, а то сегодня вы не в форме!», «Если бы видели это ваши предки!».

– Журнал сюда! – скомандовал дракон, а я послушно протянула журнал и перо с чернильницей. – Имена!

– Фердинанд! – гордо заметил один крепкий и низкорослый храбрец с мокрыми штанами, пытаясь прикрыть свой позор рубашкой.

– Эрих! – выдохнул, хватаясь за сердце, блондин с прямыми, как солома, волосами и серыми глазами.

– Фе-фе-фердинанд! – прокашлялся шатен, глядя на обугленные кусты.

– Сколько у нас Фердинандов? – усмехнулся дракон, проводя пером по губам. – Трое? Трое – многовато. Если что, думаю, что никто не заметит. А теперь представьте, что я похитил вашу принцессу! Что вы будете делать?

– Соберем войско! – вонзил меч в землю златокудрый принц. Все венценосные красавцы горячо согласились с отличной идеей!

– Не войско, а завтрак, обед и ужин, – усмехнулся дракон, давая знак следовать за ним. – Отличный выбор! Одобряю! Здесь вы можете собрать разве что шишки!

– Так тут ни одной елки! – рассмеялся «запасной состав» в виде младшего брата.

– Люблю наивных, – ослепительно улыбнулся дракон, сгружая мне на руки журнал. – Вперед! Сейчас шишки и синяки собирать будете!

Мы вышли на полянку, где торчала кривая башня.

– Ладно, облегчим вам задачу! Принцесса заперта в башне, – заметил дракон, поднимая и отряхивая ту самую уродливую куклу с длинными волосами, с которой мы уже слегка познакомились. Кукла смотрела на мир глазами-пуговицами. Драное платье, спутанные лохмы волос и оторванная рука придавали тряпичной кукле вид очень желанного трофея.

– Кому удастся ее спасти, тому, так и быть, разрешу ее поцеловать! – заметил дракон, демонстрируя всем потасканную принцессу.

– Фу! Она страшная! – скривился принц с красивым профилем, кажется, Феордан, пока остальные морщились.

– Запомните, чем страшнее принцесса, тем больше шансов, что после меня она еще останется девственницей, – рас-

смеялся дракон, откидывая голову. На золотых, слегка вьющихся волосах играл красивый солнечный блик. Он ловко залез в башню, исчез в ней, а потом с башни упала веревка и высунулась жуткая, почти лысая голова принцессы.

– Спасите меня, – басом со смехом заорала принцесса, придерживаемая огромной ручищей. – Где ты, прекрасный принц! Мой отец обещал отдать королевство тому, кто меня спасет!

Принцы смотрели на башню с ужасом.

– А почему она кривая? – спросил сорокалетний принц, глядя на покосившуюся черную башню, когда дракон ловко спрыгнул на землю, а «принцесса» завалилась лицом в подоконник, как бы символизируя, что слегка устала от ожидания.

– Просто толстый принц попался в прошлый раз, – послышался голос, а из башни вышел Элберт, вручая мне ключ. – Толстый и невкусный! Штурмуйте!

Дракон вертел в руках старинный ржавый ключ, глядя, как принцы столпились вокруг, тоскливо глядя на самый верх. И вот один из них, подающий надежды, осмотрелся по сторонам, взял в руки веревку и...

– Эй! Слезай! – заорал он, дергая веревку, как звонарь собора той самой матери, которую вспомнил дракон, глядя на операцию по спасению.

– А давайте дернем все вместе, чтоб она упала вниз? – предложила чья-то светлая голова гениальный план. После

получаса возни, от которой я бы первым делом ввела указ об обязательной контрацепции среди монархов, один принц плюнул и полез. Дрожащими руками он цеплялся за веревку под громкое улюлюканье остальных «спасителей».

– Тоже мне! Королевское достоинство! – орал кто-то, пока доблестный и подающий надежды всем принцессам принц, обливаясь потом, карабкался вверх, пытаясь уцепиться ногами в сапогах за камни. Он дополз до половины башни, опасно поглядывая вниз и жмурясь.

– Давай, давай, – подбодрил его дракон, приваливаясь к дереву и зырая в сторону дупла, которое сначала открылось, а потом тут же закрылось. Принц дополз до самого верха, забрался на подоконник, с которого вниз срывались камни, постоял, ошарашенно глядя на нас, а потом вниз полетела «принцесса» под радостный крик:

– Я ее спа-а-ас!!!

Принцесса упала посреди расступившейся толпы.

– В принципе да. Если бы ты на ней женился, то было бы хуже, – усмехнулся дракон, пока я пыталась вычислить в уме коэффициент смертности среди принцесс. – Слезай, спаситель!

Принц посмотрел вниз и тут же завертел головой. Он побледнел, скуксился и...

– Помогите! – заорал он на весь лес, вспугнув стаю ворон. – Спасите! Я высоты боюсь! Мамачка!

Под башней все ухохатывались. Я с надеждой посмотрела

на дракона, пока из окна торчала голова принца и слышалась истерика. В окно полетели камни.

– Бастард! – орали внизу. – Принцы поручают грязную работу слугам! Бастард! Ни один уважающий себя принц не полезет! Бастард!

– Я не бастард! – взвыл узник башни. – Я законный наследник!

– Бастард! Бастард! – улюлюкали остальные, потешаясь над побледневшим героем.

– Сними его оттуда! – приказала я, глядя на улыбку, которая расцветала на губах дракона. Прозвонил колокол, дракон зевнул и заявил, что урок окончен, все свободны. На счет «свободны» – сильное заявление, особенно после крика: «Вытащите меня отсюда!»

– Я, как ректор, приказываю тебе снять ученика с башни! – возмутилась я, глядя, как бедолага попытался ступить на подоконник, чуть не сорвался, вполз обратно и запаниковал еще сильнее!

Я выхватила у дракона ключ из рук, сгрузила ему журнал и чернильницу.

– Тyani! – крикнула я, привязывая ключ к веревке. А в ответ тишина. – Тyani давай! Там дверь есть!

Я даже подергала веревку, но мне никто не ответил.

– Сними его с башни! – повторила я приказ, пока принцы ржали, как кони.

– Одним меньше! Ха! – кричал златокудрый, бросая ка-

мень в окно. – Хотя какая разница! Все равно бастард! Небось мамочка с каким-то конюхом переспала, а потом отцу подложила!

– Я сказала! Сними. Мальчика. С башни, – процедила я, свирепо глядя на дракона.

– А ты меня поцелуй, ректорша, – рассмеялся дракон, поднимая брови и улыбаясь острыми зубами. – Я за то, чтобы мужик был мужиком! Пусть думает, как самому слезть! Посидит, подумает – слезет!

Я посмотрела на наглеца, а потом украдкой чмокнула его в щеку, мол, вдохновила на подвиг, так что давай беги, спасай!

– Боюсь, что поцелуем мы не ограничимся! – По губам дракона поползла улыбка, а по моей талии его ручища.

– Согласна, не ограничимся! Могу еще мотивационный пинок под зад дать! – огрызнулась я, но меня тут же сжали.

– Я снимаю идиота, а вечером ты приходишь, – сладко продолжил дракон, не давая мне возможности вырваться.

– С проверкой, – улыбнулась я, понимая, что мой авторитет падает со скоростью земного притяжения. Меня снова попытались обнять, но я выкрутилась. – Да я вам всем аттестацию устрою!

– Тогда доставай сама! Хочу на это посмотреть! – улыбнулся дракон, подходя к башне. – Учти, дверь открывается только изнутри!

– Разойдись! – вздохнула я, вспоминая уроки физкультуры, мат и канат. Я сняла ключ, бросила его в карман, ухва-

тилась за веревку и стала по привычке проклинать физрука. Еще немного, еще чуть-чуть... Главное, чтобы мантия сильно не разведалась. Добравшись до самого верха и пытаясь отдышаться, я увидела несчастного принца, спрятавшегося в углу башни и обнимающего колени.

– Я не бастард! – всхлипывал он. В башне было сыро, мрачно и грязно. Сквозь дыры в крыши пробивался солнечный свет.

– Вставай, принц, – выдохнула я, чувствуя, как горят руки и тянет мышцы.

– Я не бастард, – всхлипывал принц, глядя на меня заплаканными глазами. – Мой род ведет свое начало от Ирбальда Великого! У... у... меня профиль... профиль... отца... Я не бастард! Можете посмотреть портреты! Я... я... не...

– Тебя как зовут? – Я взяла его лицо в руки, чувствуя, как по моим рукам стекают чужие слезы.

– Айрон, – задыхался принц, опалая жаром рыдания мои руки. – Айрон из династии Писцес! Мой отец – король Арл Могучий!

– Слушай, Айрон! – тяжело вздохнула я, глядя на плачущего мужика и вспоминая пузатого коротышку в короне. – Ты не бастард! Я лично видела твоего отца. Вы похожи как две капли воды! К сорока годам ты будешь точно таким же! Ну все, прекращай плакать!

Я прижала златокудрую голову рыдающего принца к груди, похлопывая по спине.

– Когда-нибудь, ты спасешь свою принцессу, и вы будете жить долго и счастливо, – улыбнулась я, отстраняя героя. – А мы скажем, что в башне была ловушка, поэтому ты не смог выбраться самостоятельно. Давай, пойдем!

Я встала, отряхнулась и протянула руку принцу.

– Я не спасу принцессу, – вздохнул Айрон, глядя на меня и горько усмехаясь. – Я помолвлен с рождения. Как только закончу Академию, меня женят.

– Пойдем. – Я тянула его вниз, пока под башней раздавались смешки и оскорбления. Пару минут возни и замок не приметной двери глухо щелкнул. Я подошла к офигевшему дракону, посмотрела на него и швырнула в него ключ.

– Еще раз я услышу слово «бастард», – жестко произнесла я, глядя на то, как надменно смотрят на меня принцы, – вы пожалеете об этом!

– Простолюдинка для нас не указ, – рассмеялся Феордан, поднимая брови. – Даже если она – ректорша! В наших жилах течет голубая кровь! И никто из простолюдинов не имеет права нам указывать, что нам делать! Мы – и есть закон! И ты ничего нам сделать не сможешь!

– Значит, у вас, – заметила я, открывая журнал, в котором видела расписание, – будет не один урок в день, а три. Оправдывайте свои титулы, принцы!

Глава седьмая

Призрак жизни

Перед тем как целовать принцессу, требуй справку!

– Всех собирайте! – возмущалась я, идя по коридору замка. – Быстро! Учеников, учителей!

Пока что надо мной собирались только грозовые тучи, поливающие меня холодным дождем. Через двадцать минут в общем зале столпились все. Пока у меня стоял животрепещущий вопрос, под трибуной стояли все, включая дракона.

– С этого дня, – прокашлялась я, размахивая своими обязанностями и полномочиями, – в день будет по три урока! Три! А не один, как раньше! С этого дня вводится новая дисциплина – поведение! Оценки по поведению будут выставляться за день! Ученик, который получает низкие оценки по поведению, будет заниматься уборкой Академии. И мне плевать, принц он или король! Слуги, мамочки-папочки, стража остались дома! Здесь вы – просто ученики!

На стене проступали буквы, от которых я отмахивалась. Краем глаза, я увидела: «Ты вообще читаешь то, что я пишу?» Но красноречие несло меня по рельсам инноваций.

– И пока драконы бороздят просторы нашей Академии, – уверенно и с негодованием вещала я, как пламенный ре-

волюционер, дорвавшийся до трибуны, чувствуя, что меня машинально несет в такие дебри, от которых впору давать мне Нобелевскую премию «покойся с миром». – Мы должны взять в руки свое достоинство и честь, доказав всему миру, что наши принцы – не пальцем деланные.

Судя по лицам присутствующих, мои революционные идеи пришлись по вкусу, но здравый смысл проталкивал их дальше по пищеварительному тракту к пункту назначения.

«Смотри сюда!!!» – мелькнула перед глазами надпись, но, судя по взглядам преподавателей, пламенного революционера системы образования ждал бесславный костер. «Я кому говорю! Прекрати!» – мелькала надпись.

Окна распахнулись, впуская порывы ветра, а я интуитивно понимала, что пора закругляться, но не знала, чем эффектно закончить свое выступление. «Сама напросилась!» – промелькнула надпись на стене, а я почувствовала, как мантия, словно попав в струю воздуха, моментально поднимается вверх. Я прижала ее спереди в надежде, что у присутствующих уже был опыт созерцания женских ног и расширять его до «первого эротического» у меня не было никакого желания.

– Пум-пидум-пум! – выдохнула я, понимая, что это – конец. – Следующим ведет урок... Арден фон и так далее, и тому подобное. Через полчаса я буду на уроке. А пока – перемена! После Ардена – Робер. Я составлю расписание! Преподаватели, которые недобросовестно исполняют обязанно-

сти, студенты, которые плохо успевают и ведут себя отвратительно, – будут повешены в коридоре!

Волна бледности прокатилась по молодежному составу запасной сборной по корононошению.

– Да как вы смеете! Мы – наследники престола! Мы – будущее наших государств! – негодовали принцы. – Я немедленно пишу родителям, что меня собрались повесить в Академии!

– Я подумала, что вешать будем здесь! – заметила я, глядя на бурление принцев и вспоминая доски почетов школы и университета. – Здесь будут висеть отличники, а здесь – двоечники...

– Двоечники? – переспросили у меня. – У нас нет плохих оценок! Е-балл – это тоже хорошая оценка!

– Глядя на ваши довольные е-баллы, я планирую убрать ваш е-балл! И перейти на пятерки, четверки, тройки и двойки! – стукнула я кулаком по трибуне. – Никаких е-баллов! У меня все!

Я шла по коридору, не обращая внимания на надписи, которые пытались меня тормознуть на пути к улучшению образовательного процесса. Дверь моего кабинета захлопнулась перед моим носом, а по ней поползли буквы.

«Что ты творишь?» – проступили зловещие буквы прямо поверх дорогого дерева.

– Историю, – усмехнулась я, дергая за ручку двери. Дверь подалась, и я отправилась искать сменную одежду. Раскрыв

огромный шкаф, я стала вытаскивать все, что в нем было. Мантия на какого-то коротышку, мантия на великана, мантия с пятнами на животе, разодранная мантия, причем драли ее когтями, мантия с дырками и... Я с удивлением посмотрела на галерею бывших владельцев комнаты. Пузатый коротышка с бакенбардами смотрел величаво, тощий и сутулый жердь – презрительно, убеленный благородными сединами красавец – надменно, а я не могла понять, кто из них носил два женских платья? Кто из ректоров по вечерам, воровато оглядываясь по сторонам, надевал на себя юбку и корсет, любуясь на себя в зеркало? Чьи, так сказать, фантазии уносили его к пластическому хирургу? Почившие ректора молчали, а я рассматривала платья. Черное, украшенное драгоценностями, выглядело вполне солидно. Зато алое можно было показывать только в фильмах для взрослых за большие деньги.

«Я пытался тебя предупредить!» – проступило на стене, пока я снимала с себя грязную мантию и умывалась. «Все, разбирайся со своими проблемами сама! Я больше не буду тебе помогать!» – закончило свой монолог обиженное привидение.

Я быстро надела платье, поглядывая на часы, расчесала волосы, придала своему лицу взгляд суровый и гордый, прижала к груди журнал и двинулась в сторону аудитории...

– Это все из-за тебя, бастард! – кричал кто-то за дверью, а я смотрела, что по времени уже начался урок. – Из-за тебя! Нечего было тебе лезть на ту башню! Настоящий принц ни-

когда бы на нее не полез! Рисковать жизнью – удел слуг!

– Да как вы смеете! – затравленно возмущался Айрон, задыхаясь. – Я не бастард! Отпустите!

– Если бы не твои сопли, то... – слышались голоса, а я открыла дверь, глядя, как несчастного зажали в угол.

– Что здесь происходит? – сухо спросила я. При виде меня Айрона отпустили. – Где преподаватель? Почему урок еще не начался?

– Слышишь, ректорша, – нехорошо усмехнулся златокудрый Фредерик, нависая надо мной. – Попомни мои слова. Как только я закончу Академию, меня коронуют, ты будешь у меня на коленях ползать, прощение вымаливать!

– И у меня! – поддержал его брат.

– У всех нас! – усмехнулись принцы. – Как только мы станем королями, ты первая поплатишься за свою дерзость!

Принц Фредерик попытался взять меня за подбородок, неприятно улыбаясь, но тут же получил журналом по руке.

– Ах ты, мерзавка! – вознегодовал он. – Я беру то, что хочу, потому что я – принц! Ни одна простолюдинка не имеет права мне отказать!

– Уже собрались? – вежливо поинтересовался Арден, стоя по стойке штандартенфюрера. – Проходите за мной.

На меня бросили гневные взгляды, а Фредерик наклонился и сквозь зубы прошептал:

– Я тебе это еще припомню, стерва...

Если преподаватели будут дружно жаловаться на плохую

память Фредерика, то я как-то не поверю. Мы прошли по коридору и вошли в огромный гулкий зал, украшенный лепниной и подсвечниками. Изумительный, начищенный и блестящий паркет превращал королевскую сборную по выносу мозга в молодежную сборную по хоккею. Я с удовольствием побывала бы той самой шайбой, которая обеспечивает кассу стоматологам и «шмелю шоштавов»!

– Скользко! – вознегодовали принцы, пытаясь удержать равновесие. Зато Арден шел как ни в чем не бывало.

– По правилам этикета, полы во время бала должны быть скользкими, – усмехнулся он, закладывая руки за спину. В зале вспыхнули тысячи свечей. – И танцевать на них – целое искусство.

– Послушайте, многоуважаемый Арден, – заметила я, чувствуя, что фигурное катание с журналом скоро станет нашей новой дисциплиной. Я ухватила за статую, чувствуя, как разъезжаются ноги. – Послушайте, может быть, стоило начать с обычной вежливости? Уважение к даме? Пропускать вперед, подавать руку... Почему сразу танцы?

– Потому, глубокоуважаемая ректорша, – он повернулся ко мне, взглянул серыми глазами и улыбнулся, – что через две недели здесь будет бал! Сюда приедут родители принцев со своими придворными. Итак, господа, приступим. А ну выстроились в ряд! Я кому сказал!

– Зачем учить нас танцевать, если мы умеем? – усмехнулся брюнет.

– А ну выпрямился! Где твоя королевская осанка? – Арден взял трость, прислоненную к стене, и стал осматривать новобранцев.

– У меня, между прочим, врожденный порок! Целители прописали мне массаж, настойки... – начал перечислять Феордан, но тут же получил тростью по спине и резко стал образцово-показательным монархом с воистину королевской осанкой.

– Итак, у кого еще проблемы с спиной? – поинтересовался «добрый учитель», опираясь на трость. – Пользуйтесь моментом. Могу вылечить все, кроме слабоумия. Хотя иногда и его удавалось вылечить. Правда, не сразу, но удастся.

Кончик трости стукнул по паркету, а принцы дружно выровнялись, выкатив вперед грудь и расправив плечи.

– Учтите, господа, – усмехнулся Арден, проходя вдоль строя. – Я – ваш последний шанс перед могилой исправиться. Пользуйтесь моментом.

– Вы нам угрожаете? – дерзко заметил Фредерик, сдвывая локон золотых волос с надменного лица.

– Нет, господа, я не угрожаю. – Арден подошел к нему вплотную. Блестящий набалдашник трости уперся принцу прямо в подбородок. – Просто конкретно вам, в силу своей вежливости, рекомендую пореже открывать рот. Это – просто совет...

Набалдашник задрал голову принцу, а тот бросил презрительный взгляд на учителя. Стоило ему отойти, как послы-

шалось:

– Да чтобы мне простолюдин ука...

Арден молча развернулся, твердым шагом подошел и отвесил принцу такую пощечину, от которой загудели стены.

– Мой род древнее, чем твой. Любой из вас по сравнению с кровью, которая течет в моих жилах, – дворянка, возомнившая себя породистой собакой! Так что это тебе не мешало бы мне поклониться! – Трость опустилась на ногу принцу, который завопил от боли, скрючившись в три погибели. Остальные принцы дрогнули, округлив глаза. Арден поднял стальные глаза, однобоко улыбаясь, и откинул прядь темных волосы с лица, высокомерно глядя на то, как принц валяется у него в ногах, утверждая, что ему только что раздробили ногу.

– Еще одна подобная выходка, и вас будут носить на руках, как капризных девочек! – Его твердый шаг в пустом зале чеканил каждое слово. – Разбирайте принцесс. Они вас давно ждали!

Арден ткнул тростью в грудь какого-то тряпья. Принцы, опасливо поглядывая на преподавателя этикета, который в любой момент мог испортить им этикетку, бросились к куче, которая оказалась сваленными куклами. Некогда роскошные, а ныне пыльные и грязные платья «принцесс» казались ничем по сравнению с их лицами. Одна кукла была лысой, а какая-то добрая душа-эстет присобачила к лысине кокетливый бант, у другой был выколот глаз, поэтому она оценивающе прищуривалась и присматривалась к «своему» принцу,

у третьей рука болталась на честном добром слове, у четвертой по фарфоровому лицу шла целая сетка трещин, у пятой не было носа.

– С безносой поосторожней, – усмехнулся Арден, глядя, как Эрих, рассматривает лицо «принцессы». – Она уже слегка погуляла по рукам.

Из сколотого носа красотки вылез мышонок, вызывая у принцев такие крики, которым позавидуют даже оперные певцы. Мышонок бросился по паркету, скользя, пока каждый из принцев отряхивал свою куклу на предмет живности.

– Вижу, что каждый нашел себе девушку по вкусу, – заметил Арден, с улыбкой глядя на сдающую норматив по хоккею мышь. – А теперь...

Мышь бросилась ко мне, я дернулась в сторону, поскользнулась, повисла одной рукой на статуе, прижимая к себе журнал. Принцы смотрели на меня странными взглядами. Я перевела взгляд на Ардена, который с улыбкой приподнял брови. Да не боюсь я мышей! По губам Ардена ползла такая улыбка, от которой мне стало страшно. Принцы ржали, как кони, но гулкий удар трости об пол тут же излечил эпидемию слабоумия.

Я оперлась на статую, сопя от возмущения и глядя на всех с негодованием! Нет, сами же орали как резанные, а тут прямо нельзя дать проход несчастному мышонку. Так сказать, мышинный коридор.

– Да! И в этом нет ничего постыдного! – заметила я, пыта-

ясь скрыть свой конфуз. У принцев чуть не случился рецидив. – Ну да! Мохнатый, маленький! Это не повод его обижать! И что с того? А вы знаете, сколько заразы он переносит?

На меня смотрели так, словно я только что, смакуя подробности, решила презентовать сборник эротических историй под названием «Личный Опыт».

– Я могу даже взять его в руку! Да я даже гладила его! – возмущалась я, не понимая, что происходит. – Я могу даже поцеловать его!

Нет, ну вы только посмотрите! Я уже мышей бояться не имею права!

Арден подошел ко мне, даря странную улыбку, а потом глазами показал мне на мою руку. Что-то намеков я не понимаю. Он наклонился ко мне, заложив руки за спину, и прошептал:

– Женщины с таким подходом – это большая редкость... Не стоит меня так интриговать... Мне еще урок вести...

Он снова показал глазами на мою руку, которая цепко держала мраморную статую мужского пола за ту самую, слегка выпирающую под мраморным листочком часть.

Я задохнулась от стыда, а меня уже взяли за руку, вытащив из нее журнал и засунув его тому самому мраморному красавцу в руку, мол, тебя подержали, и ты поддержи.

– Думаю, пока что мы ограничимся вежливым рукопожатием, – прошептал учитель, выводя меня в центр зала. –

Итак, господа, даму в качестве приветствия вне зависимости от ее внешних данных принято целовать в руку. Эта традиция позволит вам понять, кто перед вами! Рука женщины, даже если вы на нее не претендуете, расскажет о владелице больше, чем милая улыбка. Эта традиция берет начало от одного прискорбного инцидента. Молодой принц познакомился на балу с красавицей, которая очаровала его настолько, что он готов был тут же жениться на ней. Посреди танца она вдруг бросилась бежать... Он побежал за ней. На ступенях девушка потеряла туфельку. Подняли всех по тревоге, а одна герцогиня узнала на незнакомке свое платье. Оказывается, ее служанка-прачка украла платье хозяйки, вырядилась в него и отправилась на бал соблазнять принца. Самозванку нашли благодаря туфельке и казнили. С тех пор принято целовать руку даме, чтобы убедиться для начала в ее происхождении.

К моей руке наклонились для поцелуя, а я понимала, что при первом взгляде на ногти выяснится, что я часто нервничаю, пару раз в детстве падала с велосипеда, один раз поругалась с соседским котом и буквально месяц назад неудачно готовила оладушки.

Гадатель по женской руке молчал, глядя на боевую отметину кота.

– По форме пальцев, по манере держать руку вы сможете сказать о даме куда больше, чем она захочет вам рассказать сама, – произнес Арден, глядя мою руку пальцами и прика-

саясь к ней губами, а потом медленно поднимаясь и скользя взглядом по моей фигуре. – Согласно этикету поцелуй руки должен занимать пятнадцать секунд. Давайте, тренируйтесь! Посадили принцесс на скамью, и приглашаем их на танец.

– А у моей пальцев нет! – заныл брюнет, глядя на один средний палец, чудом уцелевший после поцелуев предыдущих принцев.

– Да, не все понимают с первого раза. Иногда идиотизм и фанатизм – идут рука об руку, – усмехнулся Арден, нежно поглаживая мою руку. – Не торопитесь с поцелуем. Осмотрите руку внимательно. Можете при этом погладить ее, как бы играя с ней. Ваша задача – увидеть признаки болезней, которые вы, как принцы, должны знать наизусть! Раньше поцелуи занимали куда меньше времени по этикету, пока однажды принц не встретил на балу принцессу. Она была так хороша собой, что он решил пригласить ее на танец, поцеловав ей руку в качестве приглашения. У нее на указательном пальце была странная рана. «Что это?» – спросил принц. «Укололась об веретено!» – ответила красавица, которая выглядела слегка бледной. Принц не придал значения и поцеловал ее руку. Веретяная оспа унесла сначала принцессу, ее родителей, а потом и принца. Эта болезнь не самая заразная и раньше бушевала среди портных, но благодаря любопытной принцессе началась первая вспышка при дворе. Так что будьте внимательны, господа. На следующий урок знать все симптомы заболеваний, которые передаются через поцелуи

руки!

Я сглотнула, глядя на свой ожог.

– Отвлекайте даму комплиментами, – услышала я. – Пока вы отвлекаете ее комплиментами, убедитесь в том, что вам ничего не угрожает.

Принцы смотрели на своих кукол с таким ужасом, что даже во мне зашевелился ипохондрик.

– Если с рукой все в порядке, то можете приобнять девушку за талию и повести в центр зала. Обычно там освещение намного лучше. – Меня грациозно вели в центр зала. – Если вы видите, что девушка бледна, возможно, покашливает, обязательно поинтересуйтесь, как она себя чувствует. Не обращайтесь на ее слова, а лучше предложите ей присесть. Только вежливо. После бала обязательно поручите написать вежливое письмо родителям девушки, справляясь о ее самочувствии. Вы должны писать три раза в течение месяца. Так принято, чтобы ваш целитель в случае чего успел принять меры.

У меня во рту пересохло, а я закашлялась, понимая, что пропускать даму в пещеру на предмет исследования оной на наличие опасных хищников – это еще цветочки по сравнению с тем, что я слышу сейчас!

– Не прижимайтесь к даме слишком близко. Это невежливо и опасно! – услышала я, чувствуя, как меня повернули к себе лицом, приобнимая одной рукой за талию. – У дамы может быть нечистоплотная служанка, которая следит за па-

риком и прической. У этой служанки-грязнули могут быть вши. Вам же не хочется чесаться, а потом стричься налысо?

У меня руки зачесались дать по зубам всем диагностам от этикета.

– Первое танцевальное па: вы пропускаете даму вперед, чтобы осмотреть ее шею и спину. Она может их припудрить, но на свету хорошо видны симптомы основных болезней. – Меня пропустили вперед, пока я молча охреневала от происходящего. – То же самое, когда вы проходите в дверь. Дама должна идти первой. Запомните, господа, этикет – залог здоровья.

Меня повели по залу, а я чувствовала себя коровой на льду.

– После того как вы убедились, что девушка здорова, – можете танцевать. Все, урок окончен! На следующий урок знать все симптомы заболеваний, которые вы можете подцепить на балу! – сухо произнес Арден. – Принцесс положите на место. Только аккуратно.

Принцы, тренирующиеся в вежливых поцелуях рук, сообща фарфоровым некогда красавицам о том, что такой красивой девушки они ни разу в жизни не видели, схватили своих принцесс и потащили сваливать в общую кучу. В числе последних шел Фредерик, который волок свою принцессу за волосы по паркету. За ним тащился брат, волоча несчастную за ногу, да так, что юбка ее задралась и подметала пол. Брендон свалил куклу так, словно мешок картошки, а Эрих брезг-

ливо опустил за руку свою красавицу, украдкой наподдав ей ногой.

Через минуту принцев уже не было. Один из них прокатился на ногах по залу, чуть не сбив подсвечник.

Дверь закрылась, а я решила последовать примеру принцев, но...

– Вы не хотите со мной потанцевать? – прошептали мне на ухо, притягивая меня к себе.

– Ой, вы знаете, – я тяжело вздохнула, пытаюсь отодвинуться подальше, – у меня тут вавка на руке вскочила... Вот не знаю, что это... И кашляю последнее время так, что ворон сдувает с подоконника... А еще я не благородного происхождения... Так что, боюсь... эм... в этом случае конкретно за ваше здоровье...

– Глупая, – усмехнулись мне на ухо, делая шаг на меня и придерживая меня за талию. – Этикет – это очень скучная наука, которой привыкли пренебрегать. Его не соблюдают и не считают нужным.

Меня вели по залу, пока я посматривала в сторону двери. Рука Ардена покоилась на моей талии, а я старалась не смотреть в серые глаза.

– Люди всегда не считают важным и нужным то, что не касается их самих. А если вы знаете, – усмехнулся Арден, заставив меня кружиться, – более увлекательный способ довести до идиотов банальные правила вежливости, будьте так любезны сообщить мне...

Мы остановились, а он склонился и поцеловал мою руку.
— ...при личной встрече вечером. — Меня отпустили, а я поскользился за журналом и мигом шмыгнула за дверь, понимая, что с фантазией у меня напряг, поэтому оставим все как есть.

Призрак меня больше не беспокоил. Я составила расписание, опираясь на старые записи о дисциплинах, с удивлением обнаружив, что каждый преподаватель ведет по два предмета. Нет, если дело так пойдет с принцами и дальше, то они у меня будут с ранцами ходить на каждое занятие! Начнем с ранца первоклассника! А потом, по мере роста бицепсов и трицепсов, перейдем на обычный. Им не мешало бы подкачаться! А то какие-то слабенькие у нас принцы! До сказочных принцев им еще далеко, а вот до сказочных идиотов — рукой подать!

Расписание было готово ближе к полуночи, поэтому я отправилась вешать его в коридоре. На душе что-то было неспокойно. Какая-то смутная тревога терзала меня.

В опустевших коридорах не было слышно ни звука. Я отправилась в свою комнату, разделась и улеглась спать. Мне не спалось, как бы я ни ворочалась и ни укрывалась. Недолго думая, я встала, оделась и решила проверить, все в порядке или нет?

Мои шаги наполняли гулом коридоры и лестницу, ведущую в покои принцев.

Первая дверь закрыта, а за ней раздавалось раскатистое

«хрр...», за второй дверью кто-то сопел, сонным голосом требуя, чтобы ему привели самую красивую служанку. За еще одной дверью тоже кто-то храпел и постанывал. Я обошла почти все двери, прислушиваясь, пока не увидела открытую. Тонкая щель лунного света скользила по коридору, в ней клубилась вековечная пыль. Хм...

Я негромко постучалась, чтобы никого не разбудить, а потом прислушалась. Тишина. Я осторожно открыла дверь, которая пронзительно и противно закрипела, бросила взгляд на скомканное одеяло, валявшееся на полу. В комнате было прохладно, чьи-то вещи были свалены в кучу возле двери. Я шагнула к столу, заприметив записку.

«Простите меня, мой достопочтенный отец и моя достопочтенная матушка! Я не хочу больше терпеть издевательства над моей честью и достоинством! Я — не бастард, поэтому поступлю благородно, чтобы не бросить пятно на вашу честь и достоинство!»

Вереница клякс была еще свежей, а я схватила записку, чувствуя, как колотится мое сердце, когда я читала дальше.

«Понимаю, что моя смерть навлечет горе для всего королевства. Но мой позор куда страшнее моей смерти. Я прошу, чтобы эту записку доставили вместе с моим телом моим родителям. Айрон».

Я выглянула в окно, видя, что внизу никого нет. Утешало то, что на козырьке не лежало, распростершись, ничье бесчувственное тело.

Я бросилась в коридор, вылетела из башни в длинную галерею, чувствуя, как разрывается в груди мое сердце.

– Призрак! – позвала я, слыша, как в гулких коридорах отражается эхо моего голоса, а на меня сурово смотрели анонимные портреты. – Призрак! Ты где?

В ответ была тишина. Я обернулась на шорох, но вдоль ковровой дорожки пробежала мышь.

– Призрак!!! – закричала я, сглатывая и затравленно осматриваясь по сторонам. – Хватит дуться!!! Где Айрон? Эй!!!

И снова тишина в ответ. Я сжала в руке предсмертную записку, пытаюсь сориентироваться, где в огромном пустом замке решил покончить с собой наследник престола.

– Прости меня, пожалуйста! – заныла я, осматриваясь по сторонам и прислушиваясь. – Прости...

На стене проступили буквы, которым я несказанно обрадовалась. «В башне Королевы Ворон».

– Спасибо, – выдохнула я, лихорадочно пытаюсь собраться с мыслями. – А где это? Можешь отвести меня туда?

«Нет. Мне туда нельзя, но...»

На стене появилась карта, по которой я прикидывала маршрут, который пойдет на олимпийский рекорд по скорости преодоления. Главное – не паниковать раньше времени!

Я бежала по коридорам, бросалась на двери, дрожащими руками открывая их. Крутая винтовая лестница казалась бесконечной, я чувствовала, как тяжелеют ноги с каждым

шагом, но все равно заставляла себя подниматься. Я задыхалась, опираясь о стену, и пыталась избавиться от головокружения.

Ступени кончились, а я очутилась в старой темной башне. В оконном проеме я увидела силуэт в расстегнутой сорочке с короной на голове.

– Айрон! – осторожно позвала я, глядя, как принц удивленно обернулся. – Я прошу тебя... Не делай глупостей! Давай поговорим, а потом ты решишь, как лучше поступить.

Айрон смотрел на меня мертвым взглядом, держась за оконный проем.

– Давай, мой хороший, – ласково прошептала я, протягивая ему руку. – Иди сюда... Мы просто поговорим... В жизни бывает много ситуаций, когда хочется забвения. Но...

Айрон смотрел на меня. Его рука дрогнула, но он стиснул зубы.

– Твоя смерть развяжет кровопролитную войну, она повлечет за собой разрушения и другие смерти... – прошептала я, пытаясь подобрать слова. – Я понимаю тебя. Иногда сама думала о таком, когда мне было тяжело, но... Ты – сильный, Айрон... Ты сильнее, чем ты думаешь...

– Меня никто не любит, – прошептал Айрон, тяжело вздыхая и пытаясь шагнуть вниз.

Я схватила его за одежду.

– Я люблю тебя, Айрон! Иначе не бросилась бы сюда! – прошептала я. В этот момент я готова была признаться в

любви кому угодно, лишь бы спасти жизнь. – Ты очень милый и славный...

Он вздохнул, умоляюще глядя на меня, а потом нерешительно протянул руку в мою сторону, заставив меня выдохнуть с облегчением. Внезапно из темноты на Айрона бросилась черная тень. Огромный ворон! Пронзительно крича, он бил крыльями по лицу принца, который пытался отбиться, но потерял равновесие и рухнул вниз. Вместе с ним рухнуло и мое сердце. Я бросилась к окну, глядя на побелевшие пальцы, намертво вцепившиеся в подоконник. Одной рукой Айрон схватился за подоконник, а другой пытался уцепиться за кирпичную кладку. Я вывалилась по пояс, пытаясь затянуть его обратно. Тонкая батистовая сорочка рвалась в руках, корона полетела вниз, громко звякая о черепицу.

Я тянула его изо всех сил, понимая, что у самой силы на исходе.

– Ищи опору ногами! – задыхалась я, пытаюсь втащить принца обратно. – Помогите!!! Помогите!!!

С ночного леса от крика поднялась стая ворон.

– Я прошу вас, помогите! Кто-нибудь! – у меня срывался голос. Зловещие вороны кружились над лесом, пронзительно каркая. Я упиралась ногами, втаскивала Айрона обратно.

– Молодец, – шептала я, свешиваясь и тяжело дыша. – Давай... Еще немного...

Айрон боролся, цепляясь за подоконник. Он выбрался, а я обессиленно попыталась закрыть окно, как вдруг из темноты

на меня бросились черные птицы, причем так яростно, что я едва успевала защищать лицо. Голова кружилась, сердце лихорадочно колотилось, а меня толкали в грудь когтистые лапы.

– Нет! – задыхаясь, закричал Айрон, а я поняла, что за спиной лишь холодный порыв ветра, свист в ушах и последняя мысль о том, что я успела спасти...

Глава восьмая

Экономист со стражей

*Заметила, что местные маньяки пропадают.
Пропадают без любви и ласки.*

Я лежала в темноте, цепляясь за что-то и сжимаясь изо всех сил. Руки дрожали, сердце остановилось, а я не могла заставить себя сделать вдох. Ужас сковал тело до судороги. Мои дрожащие пальцы уцепились за какую-то ткань с застежками. Может, мне что-то и говорили, а в ушах все еще стоял свист ветра, перемежающийся злорадным, надрывным карканьем. Меня кто-то поймал... Представляете? Поймал! Мало того что поймал, так еще и выжил! «И пока смерть не разлучит нас! Прыгай, любимая!» – кричал принц внизу башни. «Что-то как-то не так я представляла вечную любовь!» – вздохнула Рапунцель, потирая синяки и глядя на труп принца, удивительным образом смягчивший падение! Я с замиранием и ужасом пыталась представить высоту, с которой меня угораздило упасть, но, помнится, хватило на «а-а-а-а!» средней продолжительности и пару слов, которые впечатлительные детки тут же начинают повторять, как попугайчики. Судя по всему, этажа три, поскольку крыла я трехэтажным, а может быть, и больше, поскольку потом крыть было нечем.

– Ты... живой? – хрипло выдохнула я, а в ушах свистело так, что строители-высотники покачали головой. «Денег не будет».

– Увы, нет, – услышала я внезапно низкий и хриплый голос. Настолько низкий, что где-то внутренние органы снова решили собраться вместе и затрепетать, но уже по другому поводу. – Послушай, падшая с башни женщина, – прошептали, прижимаясь губами к моему виску, пока я пыталась понять, как же так меня угораздило, – я все еще на тебя обижаюсь.

Так! Я не поняла! Я занервничала, пытаюсь рассмотреть лицо спасителя, но почувствовала, как резко проваливаюсь в темноту.

Очнулась я с ударом колокола, который заставил меня подскочить на месте, заметаться по кровати, а потом с выдохом откинуться на подушку. Ничего себе сон! Я подняла руку, рассматривая ее при свете дня. На ней остались саднящие царапины от вороньих когтей. Не сон... Неужели...

– Бом! – снова ударил колокол. Причем явно меня и по голове. Втянув воздух, я простонала, понимая, что мне сейчас предстоит идти на очередную лекцию. Протяжно зевнув, я стала натягивать на себя... Стоп! А кто это у нас тут такой предприимчивый? Почему меня раздели, разули и даже завернули в одеяло?

– Бом! – раздался третий звонок, и стало понятно, что антракт моей жизни закончился, поэтому я лениво стекла с

кровати в сторону ванной, а потом пыталась укомплектовать себя в платье. Прижав к груди журнал, я позавтракала вегетарианской едой, напроочь игнорируя мясо, и сонно поплелась на урок.

Открыв тяжелую дверь с золотой ручкой-драконом, я увидела роскошный кабинет, на который явно сдавали десятилетиями дети-мажоры, и сонных принцев, которые сидели за партами, зевая и потягиваясь.

– Ну что? Все собрались? Время – деньги, господа, – услышала я насмешливый голос Робера, вальяжно восседавшего на учительском столе. Я тихо прокралась в аудиторию, облюбовав осторожной мышкой пустую галерку.

– Правило первое. Казна и казнить – это два слова, которые понимают ваши подданные, – усмехнулся Робер, тряхнув черными локонами и подарив всем наглую улыбку. – Страх и деньги – вот то, на чем зиждется ваша власть. Они открывают любые двери, любые сердца и любые тайны. И сегодня, мои наивные друзья, я расскажу вам, как правильно воровать у народа, держа их в страхе, обеспечивая себе абсолютную власть. Запомните, когда народ ворует у вас – это преступление. А когда вы у народа – это экономика.

Я сглотнула, впервые услышав столь смелое определение.

– Итак, мы будем правильно учиться воровать у народа. Воровать у народа нужно аккуратно, чтобы народ ничего не заподозрил и не поднял бунт, – улыбнулся Робер, глядя на сонную аудиторию. – О! Мой будущий любимчик! Лучший

представитель поддрасстраивающего поколения. Я имею в виду родителей. Меня вы только радуете. Я умоляю вас, не отвлекайтесь от вашей мухи. Если что, я всегда смогу одолжить вам деньги под самые грабительские проценты.

– Да будет вам известно, что я – Элиан Аквариус. Мой отец – самый богатый король из всех! И я никогда не стану одалживать деньги! – гордо вскинул голову симпатичный шатен, отвлекаясь от мухи и поднимая глаза на учителя. – Мы – процветающее королевство! Наши богатства никогда не иссякнут! Мы даже платим тем, кто усыновил сирот!

Пока принц перечислял финансовые возможности своей родины, Робер усмехался и кивал, закрыв глаза.

– Думаю, что рассрочка на три года под триста процентов вас вполне устроит! – улыбнулся преподаватель, делая пометки в красивом блокноте.

– Если мне нужны будут деньги, я подниму налоги! А если их не заплатят – я всех казню! Про-це... Что? – закончил свою речь экономически подкованный детеныш монарха. – О чем это вы?

– Я вас просто обожаю! Вот благодаря таким, как вы, я сколотил свое состояние, – заметил преподаватель, блаженно улыбаясь и сходя на пол. – Хорошо, давайте на примерах! Многоуважаемая ректорша...

Робер подошел ко мне, одаряя меня дьявольской улыбкой, а потом наклонился для поцелуя, но не поцеловал руку, поднимая на меня темно-карие глаза.

– Хм, я не целую руки, на которых нет золота, – рассмеялся он, выводя меня на всеобщее обозрение. Всеобщее обозрение сменилось всеобщим оборзением, когда по аудитории прокатились смешки.

– Итак, моя бесценная, вы – народ! Голодный, ленивый и тупой! – усмехнулся Робер, вызывая новый приступ смеха. Мой желудок решил подыграть, поэтому скорбно заурчал. – Я – обычный скромный министр при короле. Где наш многоуважаемый король? Ах да, вот он! – На резное кресло была посажена старенькая кукла, бессильно опустив тряпичную голову с пришитой к ней короной. – Все как в жизни, детки. Народ в поле пашет, король сидит на троне...

– Единственное, что я могу пропахать, так это ваш профессионализм, – прокашлялась я, вспоминая, на кого училась целых пять лет. Не хватало мне, чтобы какой-то дворорощенный экономист рассказывал мне про кривые спроса и предложения!

Робер наклонился к кукле и как бы прислушался.

– Сколько у нас налоги? По три серебряные монеты? – уточнил он, бросая на меня взгляд. – Итак, народ. Указом короля налоги повышаются! Вы должны внести в казну пять серебряных монет! Загибайте пальчики, дорогие мальчишки.

– А я помогаю бедным, взяла на воспитание двадцать сирот, приютила их, – вздохнула я, чувствуя, как меня распирает от героизма. – Неужто я еще и налоги платить должна? Это мне государство доплачивать обязуется!

– Ну раз так, то вам срочно нужно на аудиенцию к королю! – усмехнулся Робер, как бы дико извиняясь. – Но, увы, попасть на нее не так уж и просто. Только я могу ее организовать. А вот и первое правило хорошего министра. Взятка, данная не деньгами, таковой не считается! Вот такой произвол творится за вашими спинами, мои наивные маленькие друзья. Он творился, творится и будет твориться.

Принцы смотрели с недоумением, переглядываясь и что-то пытаясь посчитать.

– Наш дорогой король доигрался, – рассмеялся Робер, беря за шкуру короля, сдирая с него корону и швыряя его в принцев. – «Мятеж!» – кричат за окнами, а в зал врываются вооруженные люди. «Сколько мы будем терпеть такие грабительские налоги! Целых десять серебряных!» – вопят нищие люди, пока последняя охрана падает под натиском разъяренной толпы.

– А почему десять? – нахмурился «запасной» монарх по имени Фердинанд. – Вы говорили, что пять!

– У меня появилась очень дорогая женщина, – рассмеялся Робер, глядя на меня обволакивающим все принципы и отговорки взглядом. Он плавно подошел ко мне, не сводя с меня глаз. – Она ведь хочет затмить саму королеву... Ей каждый день подавай новое платье и украшения к нему... Она мечтает ездить в роскошной карете и кушать из золотой тарелочки...

Робер встал позади меня, а я почувствовала его дыхание

на своей шее.

– Я считаю своим долгом выполнить любой ее каприз, – усмехнулся он, словно наклоняясь для поцелуя, но тут же с улыбкой отпрянув и вызывающе взглянув на принцев. – Вот поэтому и двенадцать...

– Какие двенадцать? Только что же было десять! – негодовали принцы. Элиан вообще забыл про муху, пытаясь понять, как три превратилось в двенадцать! Он даже посмотрел на пальцы соседа.

– Она просто захотела себе роскошный дворец, – рассмеялся Робер, стоя чуть позади меня. – С фонтаном и огромным парком. Как я могу отказать ей? Она же так красива! И пока она со мной, она живет, как королева. Конечно, это – шутка, но...

Робер откинул темные волосы и подошел ко мне так близко, что я сделала шаг в сторону, поведя плечом.

– ...в каждой шутке, – прошептал он, распахнув глаза, а потом снова сузив их, – есть доля правды... Итак, вернемся к перевороту!

Меня взяли за руку и усадили на трон, накинув пыльный горностаи и нахлобучив деревянную корону с истертой позолотой.

– Женщина не способна править королевством наравне с мужчиной, поэтому на трон взошла вдовствующая королева, страдающая обычным женским скудоумием и самомнением. Мое почтение, ваше величество! – Мне пафосно поклони-

лись, едва сдерживая улыбку. – Вы сегодня прекрасны как никогда! Ваши глаза блестят, подобно алмазам, и я не могу найти слов, чтобы описать вашу неземную красоту! Я сдаюсь в ваш сладкий плен!

– И на кой ты мне сдался? – усмехнулась я, чувствуя, что от королевских регалий попахивает мышиным пометом и плесенью.

– Как? Вы же без меня не можете жить! Все, что вас интересует, – это какой фасон платья нынче в моде, какую безделушку напялить на себя, чтобы все позеленели от зависти, и кто из любовников сегодня навестит вас под покровом ночи. Сколько бы я ни воровал, меня вы никогда не повесите, потому что думать и править самостоятельно вы не умеете. И больше всего на свете вы боитесь бунта! Поэтому вы будете бегать ко мне по любому вопросу.

– Бунта не будет, – ядовито заметила я, облокотившись на мягкую спинку трона и поведя плечами под некогда роскошным горностаем. – К вам я бегать не буду. Это вы будете от меня бегать.

Мои руки легли на подлокотники, а я бросила надменный взгляд сначала на принцев, а потом на будущего чемпиона по бегу на короткие дистанции после крика: «Стража! Арестовать негодяя! Конфисковать все имущество в пользу короны!»

– В каждом селении будет выбран совет из почетных жителей, которые будут собирать налоги. Малейшая жалоба –

отрубаем...

– Руку? – переспросил «запасной» принц Фредерик, пока его брат зевал во весь рот и нетерпеливо ожидал конца этого скучного урока.

– Нет, не руку, – сладко усмехнулась я. – Руки ему еще понадобятся, чтобы работать во благо государства. А вот есть кое-что очень важное. Участвующее скорее в отдыхе, чем в работе. И вот именно это мы и будем отрубать. Так мы увеличим производительность труда в разы! Поднимем экономику! Избавимся от коррупционеров!

Принцы вздрогнули, переглядываясь. Фредерик подавился, глядя на меня с возмущением.

– Налоги должны быть посильные, поэтому крестьяне будут вносить в пользу государства символическую сумму в один серебряный, а вы, многоуважаемый министр, будете платить тысячу золотых. А что вы хотели? Высокая должность – высокие налоги. Фактически я буду пополнять казну за ваш счет, – мило улыбнулась я, кутаясь в горностай и поправляя рукой корону. – Может, власть кого-то и портит, но меня явно украшает!

– А вы не боитесь, – Робер склонился ко мне с улыбкой, – что от вас быстро захотят избавиться?

– А вы не боитесь, что вы станете той самой преждевременно засохшей веточкой на вашем пышном генеалогическом древе за такую попытку? Как у вас там? Мое достоинство принадлежит моему королевству? Ваше достоинство

отделиться от вас точно так же, как и ваши титулы и земли. Недоброжелатели у меня будут всегда, – я одарила «министра» самой доброй улыбкой на свете, – но чем больше у меня будет денег, тем надежней охрана.

– Охрану могут подкупить, – страстно прошептал Робер, склоняясь еще ниже и улыбаясь мне. – Ваше величество об этом не подумало?

– А я буду выбирать охрану из людей, у которых есть семьи. И в случае чего первыми пострадают семьи. – Я чувствовала себя кровавой тираншей и узурпаторшей. Принцы смотрели на меня страшными глазами в абсолютной тишине.

– А вы не подумали, что я могу вас соблазнить? – рассмехался Робер, поправляя мою мантию и украдкой проводя пальцем по моему плечу.

– К тому времени соблазнять вам уже будет нечем, – улыбнулась я, дергая плечом. – Обладая такой властью и такими возможностями, я буду искать себе красивых мужчин с одной прямой извилиной, которая бережно придерживает уши. Думаю, что с поставленной перед ними задачей они как-нибудь справятся.

– Помните, против вас всегда могут поднять бунт, – заметил Робер, глядя на меня карими глазами в обрамлении густых черных ресниц.

– О нет, – вздохнула я с улыбкой. – Бунт против меня не поднимут. Я раз в неделю буду приезжать в какое-нибудь несчастное поселение, общаться с людьми, помогать нищим,

обездоленным, убогим, сорить деньгами. У них постоянно будут зрелища, которые бедные люди будут заедать хлебушком. Да меня тут на руках носить будут за мое милосердие и щедрость. А спонсором моих милостей будете вы, если вам очень хочется жить...

– Но ведь женщина без мужчины не выживет, – прошептали мне, поглядывая в сторону притихших от ужаса принцев.

– Выживет. Всех выживет, – парировала я, вздыхая и чувствуя, как с меня съезжает деревянная корона. Вот так всегда! Ни корону не поправить, ни всласть не поправить!

– Ну что ж! – Мне подали руку, помогая встать с кресла. Моя попа уже удачно пригrelась на мягкой подушечке, поэтому не хотела с ней расставаться. С меня сняли корону, поглядывая на меня странным взглядом, словно если увидят меня на троне, то будут бежать куда подальше с криками: «Караул! Спасите! Я политический беженец!» – Ну что ж, урок окончен. Все свободны, – усмехнулся Робер, затаскивая короля в его двустворчатый дворец. Принцы под впечатлением покидали аудиторию. В гробовой тишине было слышно, как двигаются роскошные стулья. Я собралась уходить, но меня осторожно взяли за руку.

– Пойдите, – прошептали мне, беря меня за руку и заглядывая мне в глаза. – Я, наверное, вас обидел... В вашем голосе сквозили нотки обиды... Я их отчетливо слышал...

– На вас сложно обижаться, – мило улыбнулась я. – Ваши умственные способности этому не способствуют. Если что, я

умею отвечать две вещи – звиздюля и реверансы. Выбор за вами.

– Я сказал, – Робер заглянул мне в глаза, поднимая брови, – что не целую руку, на которой нет золотых украшений.

Он достал увесистое золотое кольцо и надел его на мой указательный палец.

– Вот теперь все в порядке. – Мне улыбнулись обольстительной улыбкой, которой позавидовал бы сам дьявол, придерживая меня за кончики пальцев. – Вечером я хочу целовать вас с ног до головы...

– Я обязательно воспользуюсь вашим предложением, когда в замке кончится вода. Поверьте, я сама тогда к вам прибегу, – рассмеялась я, осторожно вынимая пальцы из чужой руки и глядя на массивное кольцо с фиолетовым камнем.

– Надеюсь, я могу ее поцеловать? – шепотом заметил Робер, придвигаясь ко мне почти вплотную.

– В замке еще не закончилась туалетная бумага, – заметила я, поднимая брови. – Но как только ее не станет, вы узнаете об этом первым...

Одно движение, и я спрятала подарок в карман.

– Не можете, – тут же рассмеялась я, глядя ему в глаза. – Вы же никогда не целуете руку, на которой нет золота. А насчет кольца – вспоминайте первое правило министра! Взятка, данная не деньгами, таковой не считается! Всего хорошего. Мне пора на следующий урок.

Я вышла за дверь, усмехаясь. Какой сегодня день? Не

знаю, но зато точно уверена, что День учителя. Подарок ко Дню учителя – это всегда так приятно. Итак, что у нас по расписанию? Фехтование? Отлично! Через час все соберутся в зале для фехтования. Я прошла в комнату, бросила кольцо в шкатулку и поняла, что быть ректором не так уж и плохо. Я пыталась дочитать «Обязанности Ректора», но это была самая снотворная книга из всех, ранее мною прочитанных. Перелистнув страницу, я подавила зевок. Впереди было шестьсот страниц. Чтобы не уснуть, я стала расписывать новую систему оценок, скрипя пером в тишине своего кабинета. Колокол пробил, и я сорвалась на занятие.

Дверь была открыта настежь, а из класса доносился странный смех.

– Что здесь происходит? – сурово заметила я, глядя на то, как принцы стали что-то прятать за спины. Внезапно в суете и нервной спешке на пол упала какая-то бутылка, стекло разлетелось, а содержимое растеклось алым по плитам.

– А твое какое дело? – пошатываясь и глядя на меня странным взглядом, заметил златокудрый Фредерик. – Мы решили выпить! Будешь с нами, ректорша?

Мне протянули початую бутылку. Принц Брендон усмехнулся, дерзко деля глоток из своей и тут же вскидывая на меня хмельной взгляд.

– За здоровье моего отца – короля! – Горлышко предложенного пойла чуть не попало мне по носу.

– Я не буду пить! И вам не позволю! – Я выхватила бу-

тылку и поставила ее на пол. – Показывайте, сколько у вас их там! По правилам Акаде...

– Да как ты смеешь не выпить за здоровье моего отца!!! – покачиваясь, Фредерик швырнул свою бутылку в стену, а она разлетелась на осколки. – Ты только что оскорбила меня и мою семью! Ты оскорбила мое королевство! А оскорбление смывается кровью! И мне плевать, кто ты! Ректорша, крестьянка, шлюха! Никто не имеет права оскорблять корону!

Я почувствовала, как лицо обожгла пощечина, сбивая меня с ног под испуганное «у-у-у!».

– Ничего себе! – нервничал Эрих, глядя на остатки на дне своей бутылки.

– Может, не надо! – переглядывались остальные.

– Тишина! Я кому сказал! – закричал Фредерик, улыбаясь мерзкой улыбкой. – Бойтесь ее, да? А что она вам сделает? Ну поорет. И что?

– Брат, полегче, – заметил темноволосый, пока остальные молчали. Молчал даже Айрон, икая и сжимая в руках пузатую бутылку.

Вода пьяного «моря по колено» стала подниматься и достигла той самой критической отметки чуть ниже пояса, которую очень хотелось положить на мою новую работу.

– Закрой дверь! – приказал Фредерик, кидая брату меч. – Мне все равно ничего не будет! Я – принц! Я имею право делать все, что захочу!

Брат засунул меч между ручек и опасно отошел от две-

ри. Я попыталась встать, а Фредерик с усмешкой нетвердой походкой шел в мою сторону. В его руках блестело острое меча.

Я уперлась спиной в какие-то доспехи, с которых скатился шлем прямо мне на колени, а рядом упал тонкий меч с золотой рукоятью, увенчанный синим драгоценным камнем. Я протянула руку, чувствуя, как она легла на рукоять. Этот жест вызвал гомерический смех среди принцев. Они уже не стеснялись, а пили в открытую.

– Ты что? Хочешь сразиться со мной на мечах? – рассмеялся Фредерик, беря из рук брата бутылку и опрокидывая остатки поила в себя.

– Она же девушка! – заметил кто-то из принцев, глядя, как я встаю, держась за меч двумя руками.

– Да ладно тебе, сейчас весело будет! Баба с мечом! Вот потеха! – ржал принц Брендон, а вино брызгало на его рубашку.

Фредерик хрипло рассмеялся, подмигнув брату.

– Как говорил мой учитель фехтования, брат может подтвердить, – он кивнул в сторону молчаливого Фердинанда, – тот, кто берет в руки меч, перестает считаться женщиной, ребенком и стариком. Любой, кто взял в руки меч, – мужчина! А мужчины недостойны жалости в поединке! Так что...

Удар обрушился на меня, а я едва успела выставить вперед меч, чувствуя, как гудят дрогнувшие руки после лязга металла об металл. Сдувая волосы с лица, я пыталась успо-

коить дрожащие колени.

– Неплохо, – высокомерно заметил Фредерик, облизывая пересохшие губы и делая глоток из поданной братом бутылки. – А как тебе это?

Я напрягла все силы, чувствуя, что сейчас выроню меч. Меня повело в сторону, а лезвие вражеского меча рассекло мне юбку, оставив на ноге царапину. Где этот чертов дракон? Урок уже должен был начаться!

– Ха! – пьяным смехом смеялся Фредерик, глядя на то, как я пытаюсь запахнуть свой кордебалет. – А как насчет этого! Отобьешь или нет?

Лезвие меча устремилось к моему лицу, но я просто уклонилась, пытаясь преодолеть животный холодок от приближения смерти. Со стены откололась часть барельефа, алебастровой крошкой разметавшись по полу. А я чуть не потеряла равновесия и бросилась к двери, пытаясь вытащить меч-засов, но шаги позади меня, заставили меня развернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.